РАЗСКАЗЪ О КОЧЕВАНЬИ ПО ТУНДРАМЪ САМОѢДСКИМЪ

въ 1844 и 1845 годахъ.

Статья первая.

Отъѣздъ изъ столицы. — Путь до г. Мезени. — Сборы къ кочеванію по Канинской тундрѣ. — Самоѣдскій чумъ и сцены изъ кочевого быта. — Переправа черезъ рѣку лѣтомъ въ катерѣ. — Возвратный путь въ Мезень и плаваніе по р. Пезѣ до Печоры. — Дикая мѣстность. — Занятія и приключенія въ пути. — Первый снѣгъ въ половинѣ сентября. — Пезскій волокъ и переѣздъ чрезъ него. — Посѣщеніе раскольническаго скита. — Двухдневное кочеваніе на оленяхъ. — Непріятности въ пути. — Столѣтняя старуха, вожатая поѣзда. — Плаваніе по р. Цыльмѣ и прибытіе въ с. Усть-Цыльму на р. Печорѣ. — Новые спутники до зырянскаго селенія Ижмы. — Характеристика зырянъ и отношенія ихъ къ самоѣдамъ. — Три недѣли въ Ижмѣ и путь до самоѣдской церкви на р. Колвѣ.

29 іюня 1844 года въ 9 часовъ утра на Смольной пристани задымился пароходъ и по третьему звонку умчалъ насъ къ Шлиссельбургу, мимо цѣлаго ряда огромныхъ фабрикъ и живописныхъ дачъ. Въ крытой лодкѣ дотащили насъ ладожскимъ каналомъ, по бичевнику, до Новой Ладоги, а тамъ принужденъ я былъ обратиться къ знакомому многимъ изъ насъ національному экипажу и до самого города *Пинега* (въ 150 верстахъ за Архангельскомъ) поручить себя нескромнымъ его толчкамъ. Отъ Пинега, свернувши съ однообразнаго почтоваго тракта на проселочный, мѣстность начала уже болѣе улыбаться: вездѣ пошелъ лѣсъ; стали появляться вѣковыя сосны; прямыя, стройныя лиственницы вездѣ мѣшались съ густою елью и придавали бору величественный видъ. Наступила ночь. Слабыя обывательскія лошаденки едва тащили телѣгу, а краснобай-ямщикъ до того забылся въ разсказахъ про похожденія свои на медвѣдей и россомахъ, что только къ разсвѣту доставилъ насъ въ *Кулойскій посадъ* въ 35 верстахъ отъ Пинега. — Отсюда ведутъ двѣ дороги въ г. Мезень: одною на

пространствѣ 44 верстъ можно проѣхать сухимъ путемъ до селенія *Нѣмнюги*, но далѣе на 50 верстахъ не иначе, какъ пройти пѣшкомъ по мосткамъ, положеннымъ еще въ то время, когда предполагали провести дорогу изъ Пинега въ Мезень; другой путь идетъ рѣкою Кулоемъ въ Сѣверный океанъ. Чтобы не измучить себя и людей, я избралъ послѣдній, и очень скоро и пріятно совершилъ его. Тутъ намъ часто попадались плоты съ лиственничнымъ лѣсомъ, сплавляемымъ для кораблестроенія изъ Пинежскаго и Мезенскаго уѣздовъ вверхъ по Кулою почти до самого истока рѣки, гдѣ, поровнявшись съ рѣкою Пинегою, саженяхъ на 200 переволакивается въ эту рѣку по песку и такимъ образомъ доставляется къ Архангельску. Отъ Кулойскаго посада до селенія *Карьеполя*, на 100 верстахъ, нѣтъ даже ни одной жилой избы и только въ трехъ рыбачьихъ хижинахъ можно найти убѣжище отъ непогоды. Въ Карьеполѣ взяли мы другую лодку и поплыли далѣе къ селенью *Долгощелью*, находящемуся въ 60 верстахъ оттуда. Недалеко отъ Карьеполя замѣчаешь уже дѣйствіе прилива и отлива морского; мы воспользовались отливомъ и черезъ 10 часовъ были уже на мѣстѣ, но едва успѣли уйти отъ вечерняго прилива, гребцы, видя приближеніе грозной воды, начали спѣшить, удвоивъ силы, и не напрасно: черезъ нѣсколько минутъ вода хлынула и поднялась сажени на три, но мы уже съ берега любовались движеніемъ волны. Чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ морю, тѣмъ лѣсъ становится рѣже и исчезаютъ понемногу несносные комары, которые водятся здѣсь въ такомъ множествѣ, что путника доводятъ до совершеннаго отчаянія, не давая ему отдыха ни днемъ, ни ночью, а крестьянъ и рыбаковъ и вообще всѣхъ, занимающихся подъ открытымъ небомъ, заставляютъ носить каишоны, съ волосяною черною сѣткою для защиты лица, что придаетъ тамошнимъ крестьянамъ видъ какого-то бедуинскаго населенія. — На всемъ протяженіи до устья Кулоя разставлены были по обѣимъ сторонамъ рѣки тони для ловли семги, которая въ то время (въ іюлѣ и августѣ) идетъ вверхъ противъ теченья рѣкъ. Выѣхавши за *Карговскій наволокъ*, составляющій черту впаденія Кулоя въ море, не болѣе какъ въ верстѣ отъ насъ показались огромныя *бѣлухи (Weissling)*, которыя, то ныряя, то снова выставляясь на поверхности, большими стадами гнались за семгой; за ними слѣдовали тучи бѣлыхъ мошекъ, а немного поодаль кружился орелъ и только выжидалъ удобной минуты, чтобы подхватить на лету неосторожную добычу, которой, выпрыгнувъ изъ воды, вздумалось бы полакомиться мошкой. Осенью для ловли бѣлухъ собираются у устья Кулоя человѣкъ до 700 промышленниковъ, въ особенности съ такъ называемаго зимняго берега, и помѣщаются тогда въ нарочно устроенныхъ избушкахъ, во множествѣ расположенныхъ вдоль всего берега. Не доѣзжая *Ваповскаго наволока* мы причалили къ берегу; здѣсь гребцы, набравшись силъ и нагрузивъ лодку жирными камбалами, дружно принялись за весла и съ приливомъ скоро доставили насъ въ селеніе *Семжу*. Заселеніе этого мѣста сопряжено съ довольно интереснымъ событіемъ:

царицѣ Наталіи Кирилловнѣ понравился въ Москвѣ садъ купца Кроминина; она приказала торговать садъ, но какъ купецъ просилъ за него слишкомъ дорого, то покупка не состоялась. Нѣсколько времени спустя, Кроминину какъ-то пришлось побывать на сѣверѣ, и ему приглядѣлся Семежскій берегъ: вскорѣ берегъ этотъ принадлежалъ Кроминину, а садъ московскій царицѣ Наталіи Кирилловнѣ. — Не долго пользовался однакожь новый владѣлецъ своимъ помѣстьемъ: семга ему пріѣлась, и ему захотѣлось калача московскаго; онъ удалился на родину. Въ началѣ же прошлаго столѣтія, одинъ приверженецъ старины, по имени *Филатовъ*, купилъ у Кроминина Семежскій берегъ за 400 рублей ассигнаціями и навсегда тутъ поселился. Теперь родъ Филатовыхъ самый богатый въ Семжѣ, имѣетъ оленьи стада, занимается морскими промыслами, ловлею семги и проч. У нихъ я запасся здѣшнимъ національнымъ костюмомъ: малицей, совикомъ, пимами и разною теплою оленью одеждой, безъ которой въ томъ краѣ даже и осенью невозможно быть. Въ Семжѣ должны мы были ждать прилива морского, чтобы на полной водѣ въѣхать въ рѣку Мезень, потому-что во время отлива рѣки до того дѣлаются сухи, что лодки безпрестанно находятъ на мель.

На Руси много уѣздныхъ городковъ не лучше Мезени, но каменныя церкви, казенныя зданія и кой-гдѣ пестрые, купеческіе дома отличаютъ ихъ нѣсколько отъ простыхъ селъ; Мезень же ничѣмъ не разнится отъ посредственнаго селенія: кромѣ низенькаго, уродливаго зданія казначейства, нѣтъ ни одного каменнаго строенія, соборъ темный, деревянный, самой старинной архитектуры, дома построены въ одну улицу, а все общество составляютъ человѣкъ до десяти чиновниковъ. Здѣсь я принужденъ былъ провести цѣлую недѣлю. Лучшее время уходило, а погода все стояла прекрасная, теплая и ни одно облачко на небѣ не обѣщало давно-желаннаго дождя; между тѣмъ снарядили уже лодку для продолженія пути, а ѣхать было невозможно, потому-что рѣка Пеза, по которой приходилось плыть до Печоры, совершенно омелѣла отъ засухи. Эти затрудненія еще болѣе усилили во мнѣ желаніе разстаться съ Мезенью: достопримѣчательности города я уже всѣ высмотрѣлъ, книги, какія были со мной и какія могъ достать отъ читающей публики, прочитались, и я уже начиналъ томиться бездѣйствіемъ, какъ случайно познакомился съ однимъ тамошнимъ мѣщаниномъ А. Ф. Окладниковымъ, который имѣлъ случай изъѣздить по своимъ дѣламъ самоѣдскія тундры вдоль и поперекъ и, обладая наблюдательнымъ умомъ, много замѣтилъ во время своихъ разъѣздовъ. Онъ мнѣ подалъ благую мысль, вмѣсто того, чтобъ сидѣть сложа руки, употребить двѣ недѣли на осмотръ Канинской тундры, обнадеживъ меня тѣмъ, что и самъ въ началѣ сентября полагаетъ отправиться по одному со мной пути. Ничто конечно не могло быть болѣе кстати въ моемъ положеніи: запасшись отъ Окладникова маршрутомъ, я въ два дня собрался въ путь, сѣлъ въ карбасъ (большая лодка) и пустился въ море, но

едва проѣхалъ однѣ сутки, какъ зной солнца видимо началъ уже убывать, а на ночь небо покрылось густыми тучами, море заколыхалось и злой дождь сталъ мочить насъ безъ пощады; волна такъ сдѣлалась сильна, что по морю ѣхать было невозможно; мы причалили къ берегу и расположились на ночь съ огонькомъ въ виду Сѣвернаго океана. Бревна, выброшенныя волною, служили намъ постелью, а парусъ, растянутый въ видѣ шатра — защитой отъ непогоды; группа лодочниковъ, заваривавшихъ похлебку и освѣщаемыхъ огнемъ, довершала картину, которая со стороны должна была быть очень живописною; но каково было дѣйствующимъ лицамъ! Съ разсвѣтомъ утихло, мы снова пустились въ путь и скоро доплыли до селенія *Неси*, гдѣ построена церковь для самоѣдовъ Канинской тундры.

Мѣстность здѣсь грустная. Лѣсъ замѣтно начинаетъ уже рѣдѣть и расти уродливо; нѣсколько полуразвалившихся рыбачьихъ хижинъ, въ довольно непріятномъ безпорядкѣ разбросанныхъ по берегу рѣки, рѣзко отдѣляются отъ чопорныхъ церковныхъ зданій, выкрашенныхъ форменною желтою краскою съ крышею кирпичнаго цвѣта. Все населеніе этого прихода составляютъ: священникъ, пономарь изъ самоѣдовъ; человѣкъ до десяти мезенскихъ мѣщанъ, поселившихся лачужками для рыболовства и морского промысла и дѣлающихъ нападенія попеременно то на семгу и морскихъ зайцевъ, то на близь кочующихъ самоѣдовъ, — дьячокъ, находящійся въ торговыхъ сношеніяхъ съ Архангельскомъ и доставляющій оттуда на собственномъ суднѣ самоѣдамъ хлѣбъ, который вымѣниваетъ у нихъ на оленьи шкуры и пушной товаръ, — и наконецъ хлѣбный вахтеръ, выдающій изъ магазина, устроеннаго для самоѣдовъ, нѣсколько фунтовъ хлѣба въ годъ.

Не болѣе сутокъ пробылъ я въ этомъ мѣстѣ. Къ полдню лодка была уже готова, и мы опять выплыли въ море. Выѣзжая къ устью рѣчки Неси, гребцы наши завидѣли на поверхности воды двѣ уродливыя головки морскихъ зайцевъ. Винтовки у этихъ людей всегда при нихъ: двое изъ нихъ прицѣлились, но дали промахъ; еще выстрѣлъ — и опять мимо; звѣрки только ныряли и появлялись на другомъ мѣстѣ; иногда даже ближе къ лодкѣ чѣмъ въ первый разъ: казалось, что моськообразныя мордочки ихъ издѣвались надъ неловкостью промышленниковъ; но чуть было не попались они за то въ бѣду: гребцы, замѣтивъ, что вода отъ отлива начала убывать, смекнули дѣломъ и сговорились нагнать одного изъ непріятелей на такъ называемую кошку (мель), пустились за нимъ въ погоню и преслѣдовали до тѣхъ поръ, пока увидѣли, что тюлень сталъ барахтаться на пескѣ. Два гребца ловко выскочили изъ лодки и баграми старались приколоть добычу, но сгоряча одинъ изъ нихъ ударилъ только въ хвостъ, еще разъ замахнулся — мимо, — плеснула волна и далеко унесла съ собой тюленя въ море, лишь издали снова зачернѣлась головка, но и та все становилась менѣе и менѣе и наконецъ вовсе исчезла въ сумеркахъ. За ухой и стаканомъ чаю, подъ раскинутымъ на берегу шатромъ, долго толковали еще про послѣднюю неудачу, всякой говорилъ

свое, никто не считалъ себя виноватымъ, и не согласить бы всѣхъ мнѣній и споровъ, еслибъ не явилась въ посредницы черная ночь и не уложила всѣхъ по мѣстамъ. — Крѣпко заснули мы послѣ всѣхъ дневныхъ трудовъ и приключеній, и только на зарѣ плескъ волны, подошедшей подъ самую палатку, заставилъ насъ скорѣе собрать пожитки и вновь поручить себя теченью морскому.

Плаваніе наше продолжалось не долго. Промышленники, возвращавшіеся съ Канинскаго берега, сообщили намъ пріятную вѣсть, что недалеко отъ рѣчки Яжмы пасутся три оленьихъ стада и хозяева ихъ, узнавъ отъ передового о пріѣздѣ нашемъ, дѣлаютъ приготовленія къ пріему гостей; и точно: лишь успѣли мы заворотить въ рѣку, какъ завидѣли уже издали дымокъ самоѣдскаго чума (чумъ — шатеръ изъ оленьихъ шкуръ), а три ружейныхъ выстрѣла съ берега возвѣстили тундряному населенію о прибытіи такъ называемаго петербургскаго начальника. Съ какимъ любопытствомъ сталъ я разглядывать новыхъ моихъ знакомыхъ, разсматривать ихъ лица, одежду, хозяйство, разспрашивать о разныхъ мелочахъ домашняго быта и сколько въ короткое время узналъ новаго, интереснаго! Въ первый разъ приходилось мнѣ увидѣть сѣвернаго оленя и притомъ въ полной его красѣ: стадо въ нѣсколько сотъ штукъ, закинувъ вѣтвистые рога на спину, мчалось на насъ подъ лай собакъ и дикіе крики погоньщиковъ, а впереди нѣсколько саней, запряженныхъ которыя тремя, которыя четырьмя оленями, перескакивая съ кочки на кочки и переваливаясь со стороны на сторону по неровному мху, спѣшили принять столичныхъ гостей и показать имъ житье-бытье своихъ кочевыхъ хозяевъ. Уложивъ пожитки свои на одни сани, а сами размѣстившись на нѣсколькихъ другихъ, тронулись мы въ походъ. Всего приходилось намъ ѣхать не болѣе десяти верстъ, а тамъ назначено было переночевать въ другомъ чумѣ, запастись свѣжими оленями и дать знать и другимъ близь-кочующимъ самоѣдамъ о скоромъ нашемъ пріѣздѣ. Конечно не мнѣ одному, съ непривычки, показалась бы страннымъ — лѣтомъ тащиться по мху въ маленькихъ саняхъ, но прошу придумать другой, болѣе удобный экипажъ для ѣзды по тундрѣ, гдѣ одна моховая кочка смѣняется другою, и сухая земляная возвышенность вдругъ пересѣкается на нѣсколько верстъ въ длину топкою трясиною, въ которой нерѣдко просядаетъ даже легкій, ширококопытый олень.

Гдѣ рысью, а гдѣ пробираясь шагомъ, доѣхали мы вскорѣ до чума: хозяева, некрещеные самоѣды, слывущіе богатыми между бѣдными родовичами своими, вышли ко мнѣ на встрѣчу и съ неуклюжими поклонами просили войти въ смрадное жилище, а между тѣмъ, поймавъ молодаго оленя на арканъ, повалили бѣдную жертву и вооруженные и старъ и малъ ножами, выдѣлили намъ самые лакомые кусочки, а остальное, не болѣе какъ въ полчаса времени, уничтожили сами, отрѣзывая большими кусками сырое мясо и обмакивая его въ теплую, дымящуюся кровь

Два дня пришлось мнѣ погостить въ этомъ чумѣ, въ ожиданіи подставныхъ оленей, за которыми послали въ ближнее стадо, верстъ за пятьдесятъ отъ насъ. Наконецъ лай собакъ на разсвѣтѣ возвѣстилъ ихъ пріѣздъ. Пошли приготовленія къ перекочевкѣ: какъ небо снова начинало хмуриться, то мои сани устроили въ родѣ кибитки, сдѣлавъ надъ ними покрышу изъ березовой коры; на однѣ положили небольшой чумъ, на другія обернули лодку для переправы черезъ рѣчки, а остальныя снарядили по-просту и на тридцати шести оленяхъ двинулись въ путь; около сорока другихъ, для смѣны, бѣжали тутъ же рядомъ со всѣмъ поѣздомъ.

Сумочка изъ тюленьей кожи, въ которую вкладывалось нѣсколько памятныхъ книжечекъ, начинала уже наполняться разными замѣтками о кочевыхъ моихъ пріятеляхъ: сюда вписано было, что хозяинъ мой некрещеный самоѣдъ, что одинъ сынъ его крещенъ, а другіе или отъ безпечности еще не окрестились, или вовсе креститься не хотятъ; описано было и положеніе, въ которомъ я нашелъ семейство хозяина моего при пріѣздѣ: для меня устроенъ былъ, скажу, почетный чумъ, который былъ и чище и пространнѣе и устланъ большимъ числомъ оленьихъ шкуръ, а въ нѣсколькихъ шагахъ разбитъ былъ другой для всего семейства, и туда-то я, разумѣется, часто заглядывалъ, ато не узнать бы мнѣ и всѣхъ секретовъ кухни самоѣдской и всего наслажденья глодать огромную кость съ сырой оленины или ѣсть полу-протухлую рыбу; не научиться бы мнѣ никогда искусству чистить грязный котелъ грязною же мочалкою, обмокнутой въ болотистую воду (почему же впрочемъ не утереть ею, при случкѣ, лица или рукъ); никогда бы и не узнать, что съ этой же ржавой водой готовили и мнѣ кушанье, заваривали изъ нея и мнѣ чай; но въ тундрѣ олень властелинъ, около него все движется и все ему угождаетъ: стать бы ближе къ рѣкѣ, вода бы была конечно свѣтлѣе, но не было бы мху для оленя, потому-что мохъ любитъ расти при болотахъ, а чаще случается, что такія мѣста находятся верстахъ въ двухъ, трехъ отъ рѣкъ. Приготовленіе обѣда для семейства хозяевъ моихъ было, казалось, занятіемъ одной только старухи, другія женщины или сшивали что-нибудь оленьими жилами, или мяли руками и скоблили маленькимъ желѣзцомъ оленью шкуру и, посыпая ее мукою, выдѣлывали замшу; а поодаль два самоѣденка лѣтъ 12 — 13 глубоко обдумывали ходы по шашечной доскѣ, передвигая вмѣсто шашекъ морскія раковины, набранныя ими во время тюленьяго промысла по берегамъ Океана — слабый результатъ цивилизаціи, завезенной въ тундру русскими промышленниками вмѣстѣ съ пѣннымъ виномъ и табакомъ.

Вино и табакъ сгубили самоѣдовъ и привели ихъ въ жалкое положеніе. Русскіе такъ всегда умѣютъ устроить, что нададутъ самоѣдамъ разнаго товару въ долгъ до будущихъ промысловъ или до лучшаго времени убоя оленя на мясо, а осенью, когда придется къ расплатѣ, то подъѣзжаютъ къ становьямъ самоѣдовъ и предъявляютъ требова-

нія свои, или на биркѣ зарубленныя, или просто удержанныя въ памяти: усчитывай ихъ послѣ того; а какъ поднесетъ русскій еще самоѣду чарки двѣ, три пѣннику, то тотъ на все согласенъ, лишь бы дали утолить возбужденную въ немъ жажду. Стало быть выгода отъ этой мѣны велика, что, несмотря на строгое запрещеніе русскимъ ввозить въ тундру вино и на присутствіе мое въ томъ краѣ, нѣсколько крестьянъ изъ деревни Семжи въ одно со мною время въ карбасѣ, нагруженномъ пустыми бочками, причалили къ Канинскому берегу и на вопросъ мой, для какого эти бочки употребленія, отвѣчали, что для накладки мяса — вещь очень обыкновенная; но потомъ, по пріѣздѣ въ чумъ, входитъ ко мнѣ подъ-вечеръ самъ хозяинъ - самоѣдъ и съ подобострастіемъ и, какъ я замѣтилъ, уже въ восторженномъ видѣ, послѣ маленькаго введенія къ рѣчи несвязнымъ, ломанымъ русскимъ языкомъ, сталъ объяснять, что русскій предлагаетъ ему чарку вина, но что будто онъ безъ моего позволенія не смѣетъ ее принять: каково, куда забралась хитрость! но она такъ здѣсь неложка, неуклюжа, что не трудно было понять, въ чемъ дѣло. Я разумѣется согласился на просьбу моего увальня, сказавши ему, что онъ у себя дома, что можетъ по этому дѣлать, что хочетъ, и чтобы во всякомъ случаѣ ни мало не заботился обо мнѣ. Не знаю, понялъ ли онъ мои слова, или нѣтъ, но онъ вышелъ и побрелъ къ своему чуму; самъ я приникъ головой къ подушкѣ, загасилъ огонь и при свѣтѣ луны, изъ-за уголка, преспокойно могъ наблюдать кочевой бытъ въ будничномъ его нарядѣ, а не въ томъ костюмѣ, въ какомъ онъ является лицу оффиціяльному. Мало впрочемъ было утѣшительнаго; за полночь пировала бесѣда, но тутъ отъ хмѣля проявлялось не буйное веселіе народа живого, а находилъ родъ какого-то неистовства на эти апатическія натуры: то выбѣгалъ одинъ изъ нихъ изъ чума и, пробѣжавъ въ разныя стороны, опять врывался въ чумъ; то приставалъ другой къ женѣ, заставляя и ее осушить чарку, а потомъ награждалъ ее побоями, то слышно было что-то въ родѣ рева, мычанья; и чѣмъ же кончился весь этотъ пиръ? — что и на другой день самоѣды ходили какъ шальные, поддерживаемые въ этомъ сладкомъ оцѣпененіи чаркою, другою, изрѣдка подносимою смѣтливыми промышленниками, которые сами отправились потомъ въ стадо, отобрали лучшихъ оленей для убоя, а послѣ отъѣзда моего наполнили пустыя бочки мясомъ и повезли прибыльный грузъ во-свояси.

Мнѣ, какъ лицу административному, не слѣдовало бы по-настоящему быть свидѣтелемъ такого незаконнаго образа мѣны, но меня извиняетъ то, что я былъ свидѣтелемъ невольнымъ и никѣмъ не замѣченнымъ, и что принять на этотъ разъ мѣры строгости ни къ чему бы не повело: распространилась бы только молва по тундрѣ, и русскіе, а за ними и самоѣды стали бы остерегаться петербургскаго начальника, не показали бы себя, такъ сказать, на распашку, и сдѣлали бы и мнѣ и себѣ вредъ тѣмъ, что не въ вѣрномъ свѣтѣ представили бы положеніе свое, не дали бы добраться до корня зла и

тѣмъ затруднили бы только принятіе мѣръ рѣшительныхъ къ лучшему устройству ихъ быта. Разсужденіе это успокоило меня, и мы трону лись далѣе.

Погода очень неблагопріятствовала путешествію. Это было въ половинѣ августа, а уже мелкій, осенній дождь цѣдилъ какъ изъ решета и придавалъ и безъ того уже подвижной, тряской почвѣ тундры какую-то эластичность, какое-то правильное движеніе при скорой ѣздѣ по тряспнѣ. Негостепріимная природа казалась недовольною незваным гостямъ, а крылатое населеніе тундры, на время прикочевавшее на сѣверъ изъ странъ полуденныхъ за роскошнымъ кормомъ, за тихою, привольною, гулевою жизнью для птенцовъ своихъ, встрепенулось отъ шумнаго поѣзда: то высовывался длинный клювъ кулика, который изъ-за осоки съ удивленіемъ выглядывалъ на свѣтъ и старался повидимому объяснить себѣ, отчего такъ заколыхалось болото; то, вспуганныя собакой, перелетали въ сторону цѣлыя стада бѣлыхъ куропатокъ, то съ крикомъ поднимались съ озеръ тучи гусей, гагаръ и лебедей или вереницей тянулись незамѣтно по грязному небу, пронзительнымъ лишь крикомъ извѣщая путника, что уже полетѣли они на родину, что и о немъ снесутъ путемъ вѣсточку.

Настали сумерки. Не внималъ уже олень условному клику погонщика, не сталъ уже бояться остроконечнаго его харея (*), часто отставалъ отъ рогатаго своего сосѣда и, сгибая колѣни, пытался прилечь на пушистый мохъ; начали уже отрывистою рѣчью переговариваться и молчаливые мои вожатые и испытующимъ взглядомъ окидывать мѣстность, выбирать гдѣ удобнѣе, гдѣ привольнѣе для оленя остановиться чумомъ. Чумъ былъ разбитъ въ виду шемоховскихъ сопокъ, окаймляющихъ часть западной стороны Канинской тундры, и по особенной игрѣ природы, посреди голой моховой степи, поросшихъ мелкимъ, рѣдкимъ ельникомъ въ высоту человѣка. Туда за топливомъ отряжены были сани, и хотя не скоро, но затрещали однакожь посреди чума мокрые сучья, пригрѣлъ наконецъ огонекъ путниковъ, промокшихъ до костей и измучившихся отъ безпрестанныхъ толчковъ по мшистымъ кочкамъ. Наставалъ уже десятый день отъѣзду нашему изъ Мезени, а много ли мы отъѣхали? Слабые олени отказывались везти далѣе, а самоѣды, не знаю, притворялись ли, или подлинно не знали, есть ли вблизи стадо для смѣны, но не надѣялись прежде недѣли добраться до Канинскаго камня, — цѣли импровизованной моей поѣздки и главнаго пребыванія въ лѣтнее время стадъ, пасущихся въ Канинской тундрѣ. Къ тому же на одинъ возвратный путь надо было употребить еще дней десять; сталъ подходить сентябрь мѣсяцъ; отъ безпрестанныхъ дождей рѣки, омелѣвшія отъ засухи, должны были уже сдѣлаться судоходны, а всего болѣе боялся я, чтобы морозъ не помѣшалъ плаванію моему на Печору. Взвѣсивъ

(*) Понуждало.

все это, совѣтомъ положили не продолжать пути, а тою же дорогою отправиться обратно въ Мезень.

Одною только особенностью ознаменовался возвратный путь нашъ: подъѣхавъ къ рѣчкѣ Чижѣ, черезъ которую мы въ первый разъ переѣхали какъ по-суху, мы нашли, что отъ дождей и прилива морского вода такъ въ ней поднялась, что никакъ нельзя было переправиться въ саняхъ, не подмочивши и себя и поклажи. Поэтому спустили въ воду съ саней запасную лодку, перевезли сперва меня, потомъ чемоданы, а сами самоѣды, съ возжою въ одной рукѣ и съ харсемъ въ другой, понуждая и ободряя оленей особымъ крикомъ, стоймя переправились на саняхъ вплавь на другой берегъ, въ сопровожденіи всего рогатаго стада. Пріѣхали наконецъ въ городъ. Отставной гвардейскій солдатъ Павловскаго полка отрапортовалъ, что въ 47 верстахъ отъ Мезени, въ деревнѣ Усть Пезской, изготовлена почтовая лодка, и что онъ съ тремя работниками отряженъ сопутствовать мнѣ до Печоры. Эти лодки учреждены для почты, а въ случаѣ нужды и для возки пассажировъ и въ лѣтнее время составляютъ единственный способъ сообщенія между Мезенью и печорскими волостями. Можно бы также проѣхать изъ Мезени на устье Печоры вдоль морского берега на оленяхъ, но такъ какъ лѣтомъ стада откочевываютъ далеко къ морю, то это составило бы большой кругъ, да и было бы безпокойнѣе, чѣмъ плыть водою. Почту возить положено каждыя двѣ недѣли, но врядъ ли случится отвезти ее два, три раза въ лѣто; обыкновенно ждутъ, чтобы накопилось поболѣе писемъ и пакетовъ и тогда уже отправляютъ ихъ всѣ вмѣстѣ или иногда пересылаютъ кой какую вѣсточку по оказіи, съ попутчикомъ.

6-го сентября отчалили мы отъ берега, въ сопровожденіи новаго знакомаго моего Окладникова, которому, по дѣламъ винныхъ откуповъ, предстоялъ одинъ со мною путь на Печору. Для него путь этотъ былъ не новъ, по Пезѣ онъ ѣхалъ тогда едва ли не въ десятый разъ, но у меня, признаюсь, сжалось сердце, когда за мной исчезло послѣднее жилое мѣсто, которое имѣетъ еще нѣсколько правильное сообщеніе съ населеннымъ свѣтомъ. Тутъ уже кромѣ воды, неба и лѣсу мало что видишь; изрѣдка лишь на каждыхъ 30, иногда только и на 80 верстахъ встрѣчаешь отдѣльные поселки въ двѣ, три избы, заведенные Богъ вѣсть когда какимъ-нибудь мужичкомъ, неужившимся въ деревнѣ съ односемьянами, или парнемъ, которому земли между своими недостало, а приглядѣлось въ бору мѣсто; срубилъ онъ тамъ хату, связалъ себѣ неводъ, добылъ ружье, да сталъ рыбу и рябчиковъ промышлять, а къ ярмаркѣ ихъ въ городъ возить. И для меня, и для лодочниковъ считалось величайшимъ наслажденіемъ, когда мы могли такъ пригнать, чтобы переночевать въ этихъ избахъ: въ нихъ съ такимъ жаднымъ радушіемъ принимали небывалыхъ гостей; но чаще всего, оттащивъ лодку по бичевнику верстъ на 25 въ сутки, люди мои, выбившись изъ силъ и спотыкаясь о кочки, къ сумер-

камъ начинали высматривать, нѣтъ ли гдѣ группы елокъ, образовавшейся въ видѣ бесѣдки, подъ которой можно бы пріютиться на ночь. Туда выносили съѣдомое и пожитки, у кого какіе были, выбирали ель посуше, разводили яркій огонь, и кто въ привѣшенномъ къ тагану котелкѣ, кто въ кострюлѣ заваривалъ взятый съ собою изъ дому запасъ или въ пути добытое. Въ послѣднемъ никогда не было недостатка: пока лодочники тихо тащили противъ теченья грузную лодку или, наѣхавъ на мель, перетаскивали ее въ глубь, кто былъ посвободнѣе, отправлялся впередъ или въ сторону и подкрадывался или къ огромному стаду утокъ или гусей, или къ чуткимъ тетеревамъ, иногда десятками сидѣвшимъ на вѣковыхъ соснахъ, или слѣдилъ за неосторожнымъ рябчикомъ, который нескромнымъ свистомъ подзывалъ къ себѣ подругу, — и рѣдко кто возвращался съ пустыми руками. Охотнику въ тѣхъ мѣстахъ рай: ему тамъ пища и на водѣ и въ лѣсу; онъ могъ бы даже по слѣду набресть на медвѣдя косолапаго или на россомаху, еслибъ была какая возможность проникнуть въ чащу лѣса иначе, какъ по тропинкѣ, изрѣдка проложенной между поселками. Проѣдешь какихъ-нибудь саженей сто отъ берегу, а далѣе ни шагу — ступить рѣшительно некуда: или какъ бѣлка долженъ перескакивать по крупному валежнику, которымъ вѣками уже загромождается лѣсъ, или рисковать попасть въ яму, или забресть въ трущобу. Заглянешь въ даль — черно, все въ первобытномъ состояніи. Такими представляются воображенію нашему дѣвственные лѣса сѣверной Америки.

Свѣжій воздухъ и безпрестанное движеніе, а гдѣ нужно было, и работа общими силами, придавали каждому изъ насъ богатырскіе и сонъ и аппетитъ. Поужинавши, чѣмъ Богъ посылалъ, бросали въ огонь толстый чурбанъ, который не пылалъ, а только сохранялъ теплоту въ продолженіи всей ночи; спутники мои укладывались вокругъ огня, а я забирался обыкновенно въ свою конуру на лодкѣ, и только лучь солнца съ востока, куда и намъ путь лежалъ, ударявшій мнѣ прямо въ лицо сквозь утренніе пары, возвѣщалъ, что насталъ еще день, напоминалъ, что еще много остается пути. Опять принимались за дѣло. Какъ ярмо накидывали на плечи шлею бичевы, чтобы къ концу дня сказать себѣ, что еще какимъ-нибудь двадцатью, много тридцатью верстами придвинулись ближе къ цѣли. Такъ проходилъ день за днемъ — однообразно, но не скучно. Новизна предметовъ, величественный видъ сѣверной природы, забота о порученномъ мнѣ дѣлѣ, для котораго могъ я почерпать матеріялы даже изъ простыхъ разсказовъ лодочниковъ и позаимствоваться ими и отъ всякаго встрѣчнаго рыбака, для котораго, на безлюдіи, нельзя же не остановиться: все это отъ зари до зари достаточно наполняло часы наши. Къ тому же осень стояла свѣтлая, сухая, такъ-что и берегомъ пройтись было можно и въ лѣсъ заглянуть. Наставалъ уже двѣнадцатый день плаванію нашему, какъ въ ночь съ 18 на 19 сентября температура вдругъ значительно понизилась, къ утру сталъ попархивать легкій снѣжокъ,

все дѣлался сильнѣе и сильнѣе, и на другой день проснувшись увидѣли мы уже, что рѣка подернулась тонкимъ ледянымъ слоемъ. 21-го числа ледъ такъ уже сталъ крѣпокъ, что бичевой нельзя было тащить лодки. Лодочники, ставъ одинъ на носу, другіе же два съ боковъ, съ усиліемъ пробивали ледъ шестами; судно наше двигалось медленно и, наконецъ, проѣхавъ на третьи сутки какихъ-нибудь верстъ десять, не болѣе, спутники мои, выбившись изъ силъ, объявили, что далѣе плыть невозможно, что лодку стало протирать льдомъ, и что скоро окажется въ ней течь. Къ счастію мы приближались уже къ концу плаванія нашего вверхъ по Пезѣ, поворотили уже и въ притокъ ея, рѣчку Рочугу, на которой, въ 30 верстахъ оттуда, стояла изба кушниковъ, нанимаемыхъ отъ земской полиціи для перевозки чрезъ такъ называемый *Пезскій волокъ*, раздѣляющій рѣку Пезу отъ Цильмы. Что было дѣлать? Положили, оставить лодку и вещи съ двумя работниками, а мнѣ, камердинеру моему, солдату и одному изъ лодочниковъ, съ котомками за спиной, пѣшкомъ пробраться до избы боромъ, — тутъ же прямой дорогой считалось всего только верстъ пятнадцать, двадцать.

Собрались было уже мы въ путь, какъ услышали въ сторонѣ сперва лай собаки, почуявшей чужихъ, а тамъ и голоса людей, которые вскорѣ показались изъ лѣсу и послѣ разныхъ разспросовъ и переговоровъ объявили намъ, что они на досугѣ вышли промышлять подледную рыбу, что у нихъ съ собою и лошади и сани, что легко могутъ помочь нашей бѣдѣ и перевезти всю поклажу въ избу; лодку же предложили оставить на мѣстѣ, предсказывая, что черезъ недѣлю рѣки опять разойдутся, и что тогда они берутся приплавить ее къ себѣ.

Горой наложивъ чемоданами сани, побрели мы вслѣдъ за новыми проводниками своими, и часа черезъ три очутились на мѣстѣ. Низенькая, курная изба да амбаръ всѣхъ пріютили на ночь. На другой день пошли приготовленія къ переѣзду черезъ *Пезскій во́локъ*. О немъ я уже и прежде слышалъ, мнѣ съ ужасомъ разсказывали о всѣхъ неудобствахъ и мученіяхъ при этомъ переѣздѣ. Для этого закладываютъ обыкновенно лошадей въ особаго рода сани, называемыя *волоками*, и на пространствѣ 15 верстъ, т. е. во всю ширину во́лока гонятъ бѣдныхъ лошадей по топкому болоту; на разстояніи же 3-хъ верстъ трясина такъ жидка, что лошадь уходитъ въ нее по самую морду; тогда безжалостный погонщикъ кнутомъ ударяетъ ее по головѣ изъ всей мочи, бѣдное животное со стономъ дѣлаетъ движеніе впередъ и, обезсиленное, снова ложится въ топь, до новаго удара. А какъ легко было бы отвратить такое неудобство въ сообщеніи: стоило бы только подрядить вмѣсто людей съ лошадьми какое-нибудь стадо оленей, обыкновенно кочующее по сосѣдству. Меня къ счастью отъ такого зрѣлища избавилъ морозъ: болото застыло, и мы на ту сторону во́лока переѣхали безъ всякой остановки и приключеній. Но опять препятствіе: какъ ѣхать далѣе? Рѣки замерзли, санной путь хотя не много

и показался, но ѣхать было не на чѣмъ, сказывали только, что верстахъ въ пятидесяти, у озера Сюрзы, должно быть стадо оленей. Отряженъ былъ туда солдатъ съ работникомъ, а я пошелъ осматривать свое новое жилище. Долго учился я входить въ него такъ, чтобы не вползать на четверенькахъ; стоять прямо — не было возможности; отверстіе, котораго я никакъ, да и никто не назвалъ бы окномъ, было забито доской; печи не существовало, а навалилъ когда-то въ углу прохожій груду камней, чтобъ похлебку заварить, да не задуло бы огня вѣтромъ, — вотъ и печь; лечь можно было только мнѣ одному на узкой скамьѣ, укрѣпленной къ пристѣнку, а другіе всѣ спали на сыромъ полу и то еле-еле умѣщались. Въ этой избѣ, или, лучше сказать, около этой избы, провелъ я почти четверо сутокъ: то занимался чтеніемъ или замѣтками о пути, то ходилъ дрова колоть, разводилъ очагъ или забирался съ провожатымъ въ чащу лѣса *свяжники* на обѣдъ добывать, говоря языкомъ тамошнихъ промышленниковъ, т. е. тетерева, или *ушкана*, какъ выразительно называютъ заіица на сѣверѣ. На четвертое утро обрадованы мы были пріѣздомъ оленей; но каково опять горе? Съ послѣдняго вечера замѣтна уже стала сырая погода, а къ утру сдѣлалась совершенная оттепель. Опять начали помышлять о лодкѣ, и только изъ опасенія, что даже и при теплой погодѣ рѣки не разоіідутся ближе недѣли, рѣшились, во что бы то ни стало, доѣхать на оленяхъ по-краіінеймѣрѣ хоть до *Цылемскаго монастыря*, въ въ 20-ти съ чѣмъ-то верстахъ отъ волока. Этотъ монастырь — скитъ раскольниковъ, поселившихся здѣсь должно быть еще въ смутныя для нихъ времена патріарха Никона. Окружному начальнику, не задолго до моего пріѣзда, дано было предписаніе отобрать у нихъ около 70 старообрядческихъ книгъ и закрыть часовню. Поэтому не успѣлъ я еще поосмотрѣться, порадоваться, что хоть проночевать придется опять въ теплой избѣ, какъ явилась ко мнѣ цѣлая депутація старыхъ бабъ и дѣвъ въ высокихъ повязкахъ на головѣ, въ душегрейкахъ и сарафанахъ самаго стариннаго покроя, и въ одинъ голосъ стали просить, чтобы я приказалъ отдать имъ отнятую у нихъ святыню и хоть ставни въ часовнѣ открыть, показать имъ хоть еще разъ ликъ любимаго патрона, дать узрѣть «живъ ли, здоровъ ли ихъ Микола».

Недовольныя уклончивымъ моимъ отвѣтомъ и недовѣрчиво поглядывая изъ подлобья, разошлись онѣ по кельямъ, зато хозяйка, кромѣ молока, ничего и не отпустила, бросила только въ уголъ охапки двѣ сѣна и какъ ни сладко было отдохнуть на немъ послѣ долгихъ лишеніи, но къ разсвѣту я былъ уже на ногахъ и, несмотря ни на мокрый снѣгъ, все болѣе и болѣе усиливавшійся, ни на увѣщанія спутниковъ и хозяина стада, все уговаривавшихъ переждать еще денекъ, я приказалъ сбирать оленей, и черезъ часъ мы были въ пути. Это не было упрямствомъ съ моей стороны, но чистымъ расчетомъ, ибо все это происходило 25 сентября, и если бы хоть днемъ замедлить, то при второмъ морозѣ (а его надо было скоро ожидать) могла бы стать и

Печора, и тогда я до снѣжнаго пути былъ бы отрѣзанъ отъ зырянской волости Ижмы, гдѣ намѣревался пробыть недѣль около трехъ, и принужденъ бы былъ жить въ селеніи *Усть-Цыльмъ*, при сліяніи р. Цыльмы съ Печорой, гдѣ мнѣ занятія было всего дней на пять. Впослѣдствіи мы увидимъ, что я былъ правъ.

Отъ Цылемскаго монастыря до деревни Мылы, лежащей при рѣчкѣ того же имени, прямымъ путемъ считаютъ верстъ до 70-ти, но это считаютъ зимою, когда застынутъ озера и болота, и можно рысью ѣхать по жосткому снѣгу безъ всякаго препятствія, но представить себѣ трудно, какое мученіе испытали въ этотъ трехдневный переѣздъ и люди и олени. Снѣгъ съ мелкимъ дождемъ не переставалъ ни на минуту, зимній путь весь смыло, болота стали еще мокрѣе прежняго, такъ-что даже олени уходили иногда по брюхо въ трясину и нерѣдко отъ усталости ложились на мохъ, а мелкіе ручейки до того разбухли, что, подъѣхавши къ одному изъ нихъ, отъ когораго вожатые мои никакъ не ожидали препятствія, даже и они призадумались и нѣкоторое время не знали что дѣлать; но, поговоривъ между собою и измѣривъ глубь шестами, принялись за работу: свалили нѣсколько молодыхъ березъ, перекинули ихъ черезъ рѣчку, переплели хворостомъ, и часа черезъ полтора мы по этому живому мосту переправились благополучно на другую сторону, гдѣ къ счастію наткнулись на свѣжее стадо оленей.

Съ ужасомъ узналъ хозяинъ, что отъ него требуются олени; ихъ у него ходило въ упряжи всего только штукъ десять, не болѣе, а всѣхъ нужно было по-крайней-мѣрѣ головъ двадцать. Это препятствіе разрѣшено было тѣмъ, что положено къ свѣжимъ десяти прибавить десять изъ прежняго стада, давъ имъ отдохнуть за-ночь. Видно было, что это распоряженіе очень пришлось не по сердцу какъ привезшему меня русскому хозяину, такъ и самоѣду. Они начали приводить разныя причины, по которымъ невозможно было ѣхать далѣе: и олени-то у нихъ слишкомъ слабы, пристанутъ въ пути; и дороги-то они не знаютъ до деревни Мылы, ѣзжали туда только зимою, когда можно прямо ѣхать по огромнымъ озерамъ, а что теперь придется ихъ объѣзжать,—что наконецъ никто и не можетъ взяться въ вожатые, кромѣ столѣтней старухи, которая такъ хила и хвора, что можетъ въ ночь и умереть. И точно, когда, не убѣждаясь никакими доводами, я отдалъ приказаніе, чтобы къ разсвѣту все было изготовлено къ отъѣзду и расположился потомъ въ чуму отдохнуть немного, старуха, лежавшая тутъ же по сосѣдству, такъ раскашлялась и разохалась, что мнѣ и совѣстно уже стало тревожить сына и внучатъ ея и заставлять ихъ, съ больною, переноситься жильемъ на другое, можетъ быть невыгодное для нихъ мѣсто, но каково было мое удивленіе, когда утромъ объявили мнѣ, что все готово, и что старуха, которую я полагалъ по-крайней-мѣрѣ уже одною ногою въ гробу, вызвалась предводительствовать всѣмъ поѣздомъ. Покашлявъ еще на дорогу, бодро вскочила она ногами на сани, заслонивъ глаза рукою,

окинула мѣстность, ткнула шестомъ оленей и, гикнувъ на нихъ, смѣло повела насъ черезъ необозримыя болота. Все тронулось вслѣдъ за ней. Двѣ ночи ночевали въ какихъ-то перелѣскахъ, а на третій день къ вечеру стали приближаться къ Мылѣ. Время клонилось уже къ сумеркамъ, когда мы подъѣхали къ большому лѣсу, а тутъ за лѣсомъ, говорили намъ, и самая деревня. Ѣдемъ часъ, ѣдемъ и другой, а деревни все еще не видать, слышенъ однако вдали уже и лай собакъ, но что-то не ладно: то сунутся вожатые мои вправо, то влѣво, то вдругъ опять ѣдутъ назадъ: вышло, что они, заѣхавъ въ лѣсъ, не найдутъ въ немъ дороги. Наконецъ, выбившись изъ силъ, стали, не послушавшись даже совѣта одного разумника изъ нихъ, который предлагалъ прорубить въ сосновомъ бору дорогу. Пришлось посылать за помощью въ деревню. Четыре человѣка были туда отряжены, другіе остались при оленяхъ, а чтобы ждать было веселѣе, развели мы съ старухой и огонекъ. Часа черезъ три явились люди изъ деревни, и, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, оказалось, что дорога была въ нѣсколькихъ шагахъ, по-лѣвѣе бы только взять. Довели насъ и до деревни. Тамъ въ новой сосновой избѣ встрѣтили насъ съ фонаремъ хозяинъ и хозяйка, набралась полна изба любопытныхъ поглазѣть, кого-то занесло къ нимъ въ глушь въ такую пору, наконецъ погасла яркая лучина, и всѣ улеглись на покой. На другой день рѣчь была о томъ, какъ добраться до дворовъ крестьянина *Носова*, лежащихъ на рѣкѣ Цыльмѣ. Послѣ небольшого совѣщанія рѣшили, что всего лучше пѣшкомъ боромъ, гдѣ до рѣки только верстъ съ десятокъ, а поклажу перевезти на тѣхъ оленяхъ, которые менѣе всего устали. Такъ и сдѣлано было, и мы, добравшись до дворовъ и переночевавъ у радушнаго, почтеннаго хозяина, наканунѣ 1-го октября, безъ всякихъ уже препятствій, доплыли внизъ по теченью въ селеніе *Усть-Цыльму*.

Пріятно было отдохнуть въ большомъ, богатомъ селеніи, послѣ четырехнедѣльнаго плаванія, дѣлая по двадцати, много — по тридцати верстъ въ сутки. Селеніе Усть-Цыльма особенно отличается выгоднымъ и живописнымъ положеніемъ въ томъ пунктѣ, гдѣ рѣки Цыльма и Пижма впадаютъ въ роскошную Печору. Наружный уже видъ говоритъ о благосостояніи жителей, основанномъ на рыболовствѣ въ Печорѣ и озерахъ и извозничествѣ; оленеводствомъ они занимаются мало. Должно быть черезъ передового дано было знать о скоромъ нашемъ пріѣздѣ, ибо берегъ былъ усыпанъ народомъ, между которымъ на первомъ планѣ красовалось сельское начальство въ форменныхъ кафтанахъ. Умчали меня на какихъ-то саняхъ, запряженныхъ въ двѣ лошади цугомъ, и чуть не на рукахъ внесли въ отведенную квартиру, гдѣ хозяинъ, средь бѣла-дня, въ знакъ привѣта, поставилъ на столъ двѣ зажженныя свѣчи.

Не могу безъ особеннаго удовольствія вспомнить о знакомствѣ и хлѣбъ-соли, которые водилъ въ печорскомъ краѣ съ А. Х. Л**, бывшимъ въ то время окружнымъ начальникомъ, и съ княземъ П**, своенравною судьбою занесеннымъ на службу изъ живописной Грузіи въ

дремучій лѣсъ сѣвера. Надо слышать, съ какимъ уваженіемъ и любовью отзывается и старъ и младъ объ этихъ начальникахъ своихъ, а это не бездѣлица въ краѣ, гдѣ поселиться — истинное самоотверженіе. Съ г. Л* мы вмѣстѣ отплыли изъ Усть-Цыльмы 5-го октября. Путь намъ предстоялъ вверхъ по Печорѣ до впаденія въ нее рѣки *Ижмы*, которою также противъ теченья слѣдовало ѣхать до селенія *Ижмы*.

Кто внимательно слѣдилъ за моимъ разсказомъ, тотъ пойметъ, что недаромъ воротился я въ августѣ изъ Канинской тундры въ Мезень и не напрасно не остался въ Цылемскомъ монастырѣ ждать теплой погоды, когда узнаетъ, что мы какъ ни спѣшили окончить всѣ дѣла въ Усть-Цыльмѣ и снарядить лодку, но едва успѣли переплыть по Печорѣ до того мѣста, откуда есть хотя тѣкоторая возможность добраться до Ижмы. Мы еще не были на половинѣ пути, какъ уже засталъ насъ сильный морозъ, и въ ночь Печора покрылась такими льдинами, что лодочники, какъ смѣлы ни были, находили опаснымъ плыть далѣе. Большинствомъ голосовъ положено было однакожь испытать послѣднее средство: перерѣзали рѣку поперегъ, ловко пролавировали между льдинъ и благополучно высадились на другой берегъ, откуда уже, съ котомками за плечами, часа черезъ два ходьбы, отправились къ деревушкѣ *Нерицъ*, принадлежащей къ Ижемской волости.

Рѣчки застыли; мелкія озера подернулись зеркальною корою; безъ остановки ѣхали по легкому снѣжку; гуськомъ тянули сани двѣ добрыя лошадки; на передней бокомъ сидѣла миловидная зырянка, а вожатый на первыхъ саняхъ звонко пѣсни распѣвалъ. Такъ тащились боромъ верстъ двадцать; мѣстами лѣсъ молніей пожгло: «отъ милости Божіей сгорѣлъ», говорили крестьяне. Вотъ и деревня *Усть-Ижемская*, а тамъ и селеніе *Красноборское*, ужь тутъ до Ижмы 40 верстъ; перевезли на другую сторону и гдѣ на лошадяхъ, гдѣ водой доставили въ Ижму.

Въ половинѣ XVI-го столѣтія на зовъ новгородскаго слободчика Ластки пришли люди изъ Великаго-Новгорода и изъ Яренскаго уѣзда, Вологодской губерніи — *зыряне*, селиться по рѣкѣ Ижмѣ и притокамъ и другимъ рѣчкамъ, впадающимъ въ Печору. Образовалась цѣлая волость; по главному селенію Ижмѣ прозвали ее Ижемскою, а самихъ жителей сосѣди стали именовать *ижемцами*. Вотъ кто наши новые знакомцы, а хотите знать о нихъ болѣе, хотите знать, какъ они распространили владѣнія свои, какъ вступили въ сношеніе съ бродячими сосѣдами — самоѣдами, сами отчасти стали вести жизнь кочевую, то взгляните въ изданное мною въ началѣ прошлаго года описаніе быта Самоѣдовъ: тамъ увидите, какъ смѣтливостью и, надо сказать, необузданнымъ своевольствомъ, они въ продолженіи короткаго времени умѣли поработить себѣ племя, правда слабое и безпечное, и завладѣть обширною и богатою страною. Конечно промыш-

ленный ижемецъ для края полезнѣе недальновиднаго самоѣда, ибо онъ и изъ промысловъ умѣетъ извлекать бо́льшую выгоду и открыть товару удобный и прибыльный сбытъ, между тѣмъ какъ самоѣдъ живетъ безпечно и дѣйствуетъ безсознательно, не помышляя объ улучшеніи своего состоянія; но это различіе въ нравахъ обоихъ племенъ не можетъ еще служить причиною дозволить зырянамъ незаконно пользоваться преимуществами своими предъ самоѣдами: добро бы еще они дѣйствовали однимъ нравственнымъ надъ нимъ вліяніемъ: это было бы естественно, а потому и неизбѣжно; но къ этому присоединяется явный грабежъ и насиліе, бо́льшею частію остающіеся безнаказанными; а почему? рѣшите сами; а я разскажу вамъ между тѣмъ, какъ привольно въ красивыхъ селахъ живутъ зыряне; какъ честятъ пріѣзжаго крестьяне зажиточные: столъ для него уставленъ лучшими туземными яствами и даже напитками иноземными, а тамъ, если нужно, поведетъ его хозяинъ житье-бытье свое посмотрѣть, покажетъ ему въ амбарѣ связку, другую, лисицъ чернобурыхъ или чудный мѣхъ медвѣжій предъ нимъ разстелетъ. Глаза разбѣгутся. Но не этого одного добра у нихъ довольно. Не бойтесь, если послѣ долгаго странствованія по мѣстамъ необитаемымъ, у васъ, подъѣзжая къ Ижмѣ, выйдетъ весь дорожный запасъ: тамъ вы многое нужное найдете; о томъ уже для своего обихода не забудутъ подумать зыряне на ярмаркахъ, а ихъ заботливость пригодится и путнику, занесенному въ тотъ край.

Зыряне весьма неблагосклонны ко всякому заѣзжему, котораго цѣль ознакомиться съ бытомъ жителей или подробнѣе узнать объ отношеніяхъ ихъ къ бродячимъ сосѣдямъ. Это очень и натурально, ибо они, какъ неограниченные владѣльцы тундры, такъ должны быть довольны своимъ теперешнимъ положеніемъ, что всякое измѣненіе можетъ только клониться къ ихъ невыгодѣ. Это обстоятельство дало поводъ къ забавной сценѣ: дня два послѣ моего пріѣзда, явилась ко мнѣ депутація человѣкъ 15-ть самоѣдовъ, и не успѣли они переступить черезъ порогъ, какъ повалились уже всѣ въ ноги съ возгласами, «чтобы не отбирать ихъ отъ ижемцевъ, что они безъ ижемцевъ жить не могутъ и безъ нихъ съ голоду умрутъ». Заранѣе уже предупрежденный противъ изобрѣтательныхъ умственныхъ способностей самоѣдовъ, я разумѣется ни минуты не вѣрилъ, чтобы эта мысль могла родиться въ ихъ головѣ, а потому вмѣсто всякаго отвѣта сталъ разспрашивать каждаго изъ нихъ о родѣ и племени, о житьѣ-бытьѣ его, — и что́ же вышло? Одинъ разсказывалъ о томъ, какъ отецъ его или братъ кочевалъ лѣтъ двадцать тому назадъ съ тысячнымъ стадомъ у Паембоя или Коротаихи, жилъ весело и привольно, но что когда пришли крестьяне да стали съ ними хлѣбъ-соль водить, а пуще всего водкой поить, то и перешли всѣ олени къ зырянамъ, а инородецъ съ семействомъ по-міру пошелъ. Съ нѣкоторыми измѣненіями повторили это почти всѣ другіе: кто показывалъ палку, на которой зарублено было число липше-отнятыхъ зырянами оленей; кто жаловался, что еще

на-днях отобрали у него ружье, капканъ или лишили даже оленьяго чума, послѣдняго его достоянія, единственнаго средства укрыться отъ наступившей стужи. Такъ хитрость зырянъ, подославшихъ ко мнѣ этихъ нищихъ и тѣломъ и духомъ, обратилась имъ же не въ пользу и еще живѣй объяснила жестокое ихъ обращеніе съ этимъ несчастнымъ племенемъ.

Три недѣли, которыя я провелъ въ Ижмѣ, протекли не замѣтно въ занятіяхъ и наблюденіи, а въ это время успѣла уже пройти осень и санной путь установился къ концу октября; многіе хозяева, по первопутью, начали поджидать обозы съ оленьимъ товаромъ, а по селу стали уже появляться сани съ оленями: пріѣхали на-легкѣ родственники, въ стадѣ живущіе, повѣстить, гдѣ стадо бродитъ, да что въ тундрѣ дѣлается. Началъ и я помышлять объ отъѣздѣ; пополнилъ свой зимній гардеробъ мѣховою обувью, а искусный крестьянинъ устроилъ для меня особаго вида повозку, поставленную на полозья самоѣдскихъ саней и всю ушитую оленьими шкурами. Тепло и спокойно умѣстившись въ этой повозкѣ, 2 ноября въ полдень, распростившись съ жителями Ижмы, толпою собравшимися передъ хатой, тронулся я по сибирской дорогѣ въ тундру. Первый отдыхъ назначенъ былъ въ *Колвинскомъ погостѣ*, въ 300 верстахъ отъ Ижмы. Тамъ построена для самоѣдовъ церковь, и повѣщено было имъ собраться къ моему пріѣзду. Дорога шла все боромъ; снѣгъ не былъ еще утоптанъ стадами оленей и обозами, которые черезъ каждые полчаса встрѣчались намъ, верхомъ наложенные оленьимъ товаромъ; съ боку у обоза шелъ работникъ-самоѣдъ и хареемъ давалъ изрѣдка чувствовать оленямъ о своемъ присутствіи: такъ эти обозы напоминаютъ чумаковъ малороссійскихъ, везущихъ на волахъ пшеницу изъ южныхъ степей въ азовскіе и черноморскіе порты. Всего страннѣе то, что когда, удивленные множествомъ прекрасныхъ оленьихъ шкуръ, которыя везутъ въ Ижму для выдѣлки на замшу, или грудами бочекъ съ рыбою разнаго сорта, или мясомъ убитыхъ оленей, вы спросите хозяина-зырянина, что̀ онъ везетъ, то онъ, и шапки не ломая, пренаивно отвѣтитъ вамъ: «морошку веземъ для ребятишекъ». Такъ какъ по этому тракту, или, какъ зыряне его называютъ, по этой *ворѣ*, много проходитъ обозовъ и стадъ весною и осенью, то отъ волости, для пріюта путниковъ, выстроены двѣ избы, въ которыхъ поселены и два семейства крестьянъ, избранныхъ міромъ. Одна изъ этихъ избъ находится въ 30 верстахъ отъ Ижмы у рѣчки Пычи, а другая въ 70, и хотя въ нихъ отъ дыму нельзя сидѣть иначе, какъ на полу, но все заглянешь въ нихъ: согрѣешься и отдохнешь.

В. Ислављнинъ.

IV.

РАЗСКАЗЪ О КОЧЕВАНЬИ ПО ТУНДРАМЪ САМОѢДСКИМЪ

въ 1844 и 1845 годахъ.

Статья вторая и послѣдняя.

Колвинскій погостъ. — Самоѣдская церковь. — Колонія осѣдлыхъ самоѣдовъ. — Старанія русскихъ церковно-служителей о дѣтяхъ самоѣдовъ. — Самоѣдская школа. — Біографія моего переводчика. — Мѣры къ привлеченію самоѣдовъ въ школу. — Вечернія бесѣды съ инородцами. — Старины и сказки самоѣдскія. — Дальнѣйшее кочеванье по Колвинской Лаптѣ. — Два дня въ избѣ у промышленника-зырянина. — Бытъ этого рода людей. — Нищіе-самоѣды. — Десятидневное кочеванье по тундрѣ съ богатымъ самоѣдскимъ оленьщикомъ. — Сильныя пурги. — Установка чума. — Несносный дымъ. — Чутье самоѣдовъ и оленей. — Новое стадо и свѣжіе олени. — Самоѣдскіе божки и шаманскіе приборы. — Пріѣздъ въ Пустозерскъ. — Промышленность жителей. — Лучшая семга. — Богатство края. — Два часа дневного свѣта. — Поселеніе Василья Попова. — Система дѣйствій его съ самоѣдами. — Святочная вечеринка. — Конецъ бродячей жизни по тундрѣ.

Безъ всякихъ приключеній въ пути въѣхали мы на третью ночь въ *Колвинскій погостъ*. Здѣсь, кромѣ церкви и двухъ домовъ для духовенства, составилась колонія изъ осѣдло-поселившихся двѣнадцатью дворами самоѣдовъ, — повидимому шагъ къ благосостоянію племени, по моему — неизбѣжное лишь средство существованія, единственный пріютъ для *нищаго* самоѣда, ибо осѣдлость не есть еще выраженіе высшаго благосостоянія для кочевого жителя, и не говоря уже о томъ, что она не сообразна ни съ натурою и характеромъ его (въ этомъ отношеніи осѣдлость могла бы имѣть еще благодѣтельное вліяніе), но не свойственна ни самой мѣстности и климату, а поэтому ни занятіямъ и промысламъ кочевыхъ жителей. Не можетъ существовать осѣдлой жизни въ странѣ, гдѣ нѣтъ данныхъ, составляющихъ ея основу, гдѣ за 300 верстъ отъ Океана хлѣбъ рѣдко дозрѣваетъ отъ раннихъ морозовъ, а ближе къ морю его вовсе не сѣютъ,

и гдѣ главное богатство заключается въ стадахъ оленей, безпрестанно переходящихъ за кормомъ съ мѣста на мѣсто, и удачныхъ промыслахъ на сушѣ и на водахъ. Лучшимъ подтвержденіемъ моего мнѣнія служатъ русскіе и зыряне, поселившіеся въ томъ краѣ: изъ нихъ кто только можетъ старается промѣнять осѣдлую жизнь хотя на временно-кочевую, и они, дѣйствуя въ этомъ случаѣ инстинктивно, гораздо благоразумнѣе тѣхъ, которые въ осѣдлости, а потому и въ главной ея основѣ — земледѣліи, полагаютъ все благосостояніе народа, не соображаясь при этомъ ни съ мѣстностью, ни съ климатомъ. Самоѣдамъ, въ особенности, осѣдлость ни къ чему не послужитъ, и утвердительно можно сказать, что сколько будетъ изъ нихъ осѣдло-живущихъ, столько и нищихъ, ибо у кого есть хотя небольшое стадо оленей, есть чумъ и промысловые снаряды, тому не зачѣмъ разставаться съ кочевою жизнью и лишаться тундряныхъ промысловъ. Въ этомъ отношеніи даже пособія и льготы отъ правительства не могли бы много помочь, ибо хотя и даны бы были средства обстроиться и обзавестись хозяйствомъ, но тѣмъ новый хозяинъ не былъ бы еще обезпеченъ на будущее время постояннымъ, выгоднымъ для него промысломъ, развѣ былъ бы приселенъ при обильной рыбою рѣкѣ или озерѣ, или при берегѣ морскомъ, гдѣ держится тюлень или семга хорошо ловится; но только новый поселенецъ и не долженъ бы уже помышлять объ оленеводствѣ, главномъ источникѣ богатства въ тундрѣ; иначе онъ, слѣдуя за оленемъ, невольно принужденъ былъ бы снова обратиться къ бродячей жизни. Примѣръ тому представляетъ колонія при колвинской церкви. Стараніями духовенства нѣсколько самоѣдовъ соединены бракомъ одни съ самоѣдками, а бо́льшая часть съ зырянками, очень трудолюбивыми и порядочными хозяйками; но кой-какъ построивъ себѣ избы, они живутъ бѣдно, ибо хлѣбопашества не имѣютъ, а луга по Колвѣ хотя и хорошіе, но колонисты не имѣютъ средствъ обзавестись скотоводствомъ; рыбою же, которою изобилуетъ Колва, они мало пользуются, потому-что рѣка во многихъ мѣстахъ забрана ижемцами, вылавливающими рыбу въ огромномъ количествѣ; да еслибъ и не существовало послѣдняго обстоятельства, то и тогда колонистамъ, безъ оленей, нельзя бы было ни подъѣхать къ песцовымъ норамъ, ни къ рыбному озеру или рѣкѣ. Поэтому они или пускаются на лѣсной промыселъ, несравненно менѣе выгодный тундряного, но безъ оленей не могутъ далеко отойти отъ дому, или же въ сообществѣ родовичей сво́ихъ, имѣющихъ маленькія стада, отправляются красть оленей у ижемцевъ, такъ-что ижемцы близко къ церкви теперь боятся подходить, между тѣмъ какъ церковь на Колвѣ и по выгодной мѣстности своей, неподалеку отъ Печоры, и по особой обходительности, которыми отличаются священно-служители ея, могла бы привлечь не только бо́льшее число самоѣдовъ, но и набожныхъ зырянъ, проходящихъ поблизости съ оленьими караванами. Ласковая и поучительная бесѣда тамошнихъ священника и діакона оставила о пятидневномъ пребываніи въ Колвѣ самыя пріятныя для меня воспо-

мнанія. Особенно утѣшительно мнѣ было видѣть, какъ они сострадали о положеніи несчастныхъ самоѣдовъ и какъ желали имъ пользы; они впрочемъ не остались при одномъ желаніи, но положили основной камень будущему преобразованію племени, взявъ къ себѣ нѣсколько малолѣтнихъ сиротъ и выучивъ ихъ грамотѣ и закону Божію. Старанія ихъ вполнѣ увѣнчались успѣхомъ, и они не только имѣли удовольствіе образовать хорошихъ причетниковъ и писарей къ самоѣдскимъ старшинамъ, но и доказать, что въ этихъ, повидимому, пустыхъ головахъ таятся способности, о которыхъ никто и не подозрѣвалъ. Маленькая колвинская школа подготовила съ 1835 по 1844 годъ 18 человѣкъ: и это много, когда знаешь, какъ неохотно соглашаются отдавать въ школы дѣтей своихъ не только самоѣдскіе родители, но иногда и русскіе отцы-крестьяне. И тутъ часто надо было прибѣгать къ просьбамъ, а иногда и къ хитростямъ, изрѣдка пользоваться случаемъ. Такъ діаконъ приманилъ одного самоѣденка въ школу, давая ему по кусочку сахару за каждый урокъ; а другой сталъ ходить въ школу за братомъ своимъ и мало-по-малу пріохотился къ ученію. Но всѣхъ забавнѣе судьба *Дмитрія Лапсуевича Лагина*. Онъ купленъ былъ въ Пустозерскѣ за 11 рублей ассигн., по распоряженію архимандрита Платона, отданъ въ ученіе къ колвинскимъ священникамъ и опредѣленъ потомъ пономаремъ въ Пешскую церковь, въ Тиманской тундрѣ. Мать Лагина, увидѣвши его въ проѣздъ преосвященнаго черезъ Ижму, увезла обратно къ себѣ въ чумъ, но когда нечѣмъ его стало кормить, то продала за оленя одному некрещеному самоѣду, у котораго онъ жилъ три года; но по приказанію преосвященнаго былъ взятъ оттуда священниками и опредѣленъ пономаремъ въ Колву, гдѣ и обзавелся домкомъ и осѣдлымъ хозяйствомъ. Въ проѣзды мои по Большеземельской тундрѣ онъ служилъ мнѣ переводчикомъ и путеводителемъ.

Во время моего пребыванія въ Колвѣ, всего въ ученіи было 8 человѣкъ самоѣдовъ; изъ нихъ 2 жили у священника, 2 у діакона, 1 у хлѣбнаго вахтера, 1 у отца безъ содержанія отъ церкви, а 2 у дяди—колвинскаго колониста, съ содержаніемъ по 1 р. 70 коп. сер. въ мѣсяцъ и съ обувью, такъ-что содержаніе самоѣдскаго мальчика обходилось отъ 20 до 25 руб. сер. въ годъ; но какъ духовенство не имѣетъ большихъ суммъ въ распоряженіи, то принуждено ограничивать число учениковъ. Вотъ съ одной стороны причина, почему въ теченіи 9 лѣтъ такъ мало самоѣдовъ обучены грамотѣ, съ другой же причина та, какъ я уже замѣтилъ выше, что сами родители неохотно отдаютъ дѣтей своихъ въ ученіе, изъ невѣжества; бо́льшая часть учениковъ взяты въ причетники къ самоѣдскимъ церквамъ, а самоѣды почитаютъ тогда дѣтей для себя потерянными; къ тому же, обучивъ ихъ, не знаютъ, куда ихъ дѣвать: всѣ мѣста причетниковъ и писарей при степныхъ управленіяхъ уже заняты, а кочевать въ тундру имъ итти не съ чѣмъ, ибо они всѣ или дѣти нищихъ родителей, или круглые сироты безъ пріюта и убѣжища. Поэтому весьма полезно поощ-

рять родителей, согласившихся отдать дѣтей своихъ въ ученіе, освобожденіемъ напримѣръ отъ платы ясака за себя во все время пребыванія сыновей въ школѣ, дѣтей же навсегда освободить отъ ясака, даже по выпускѣ изъ школы; сверхъ того отправляющимся изъ школы на кочевку давать нѣкоторое число оленей, чумъ, ружье, капканъ и сѣть, — однимъ словомъ, всѣ промысловые снаряды. Это не только привлечетъ самоѣдовъ въ школу, но грамотный самоѣдъ, возвратясь къ родовичамъ своимъ, передастъ имъ лучшія понятія и сообщитъ обычаи и привычки, заимствованныя у жителей осѣдлыхъ, пригодныя и для бродячаго инородца; но всего важнѣе, что онъ станетъ дѣйствовать тогда въ сферѣ кочевого быта, единственно-возможнаго быта въ странѣ, гдѣ ни хлѣбопашества, ни скотоводства существовать не можетъ, и гдѣ человѣкъ зависитъ отъ оленя, а олень бредетъ туда, гдѣ мохъ пушистѣй, гдѣ пастбище для него привольнѣй.

Нужды и потребности народа сами собою представляются наблюденію, какъ скоро вступишь въ страну, имъ обитаемую: тутъ все сказанное народомъ о бытѣ его понятно именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно сказано, ибо поясняется всѣмъ, васъ окружающимъ, а что̀ кажется сомнительнымъ, легко можетъ быть повѣрено на мѣстѣ. Такъ въ два, три дня, проведенные мною въ бесѣдѣ съ собравшимися къ пріѣзду моему на Колвѣ лѣсовыми самоѣдами Большеземельской тундры, я болѣе узналъ о бытѣ и отношеніяхъ ихъ къ зырянамъ, чѣмъ въ три недѣли въ Ижмѣ, вдали отъ тундры, хотя и съ настоящими ея владѣтелями. Всякой вечеръ собирались у меня въ хатѣ на лицо бывшіе самоѣды, и такъ какъ въ жиломъ покоѣ всѣмъ нельзя было умѣститься, то въ трескучій морозъ растворялись двери, усаживался кто гдѣ какъ могъ, а бо̀льшею частію на полу, скрестивши ноги, съ трубками въ зубахъ, и для порядка, разсаженные мною группами по родамъ, которыми они отличаются, начинали они или отвѣчать на дѣлаемые вопросы, или отчетливо чертить пополу мѣломъ теченіе какой-либо промысловой рѣки, или объяснять ходы свои по тундрѣ и тѣ препятствія, которыя имъ поставляютъ въ кочевьяхъ русскіе и зыряне. За-полночь заходила всякой разъ бесѣда, — бесѣда для меня поучительная и полезная, особенно впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ кочеваніи по тундрѣ. Новые мои пріятели, въ знакъ благосклонности, были со мной разговорчивѣе обыкновеннаго, и не только старались объяснить существенныя свои нужды, но и передали нѣкоторыя повѣрья и сказанія дѣдовъ, которыя хотя и не отличаются игривостью воображенья и богатствомъ содержанія, но тѣмъ не менѣе интересны, какъ самобытныя произведенія народа. Одна *Старина — судьбопцъ* и четыре *сказки Уадако*, дадутъ понятіе и о всѣхъ другихъ, которыя немногимъ разнятся одна отъ другой.

СЮДЬБОПЦЬ.

СКАЗАНІЕ О СЕМИ БРАТЬЯХЪ.

Жило-было семь братьевъ-самоѣдовъ. Съ виду были люди, какъ люди, а говорили-то они по собачьи. Вотъ пришло въ голову меньшому изъ нихъ, *Лаэртако:* «Поѣду свататься къ брюзгливому, грязному родовичу, у него дочка-то хороша»; а братья его не пускаютъ, боятся, что убьютъ его тамъ. Нѣтъ, не послушался онъ ихъ: взялъ съ собою сюнки (1), поставилъ на нихъ амбаръ, какъ домъ большой, насадилъ въ амбаръ лисицъ чернобурыхъ, да песцовъ, да всякаго другого звѣря и пошелъ себѣ путемъ-дороженькой, а пошелъ-то онъ на лыжахъ, да шелъ такъ скоро, что буря чуть слѣдила ему по пятамъ, и шелъ-то до родовича всего только день, а по-просту итти, и годъ бы проходилъ. Не доходя до родовичева города, видитъ Лаэртако, что на полѣ стоитъ огромный чумъ; взошелъ онъ въ чумъ съ сюнками и амбаромъ, а въ чумѣ всего только два брата-самоѣда, да инька (2), больше никого; одинъ братъ просто на спинѣ лежитъ, другой спитъ, а инька въ сторонкѣ шьетъ малицу (3). Меньшой братъ пробудился, протеръ глаза да приподнялся, а плечи-то у него, что дерево доброе, съ корнемъ вырванное. Лаэртако зоветъ обоихъ братьевъ, «пойдемъ-ка свататься за дочку родовича», а тѣ какъ разъ согласились; одѣлъ Лаэртако меньшого брата въ платье изъ алаго сукна, и пошли они втроемъ. Взошелъ свататься тотъ, что въ красномъ былъ платьѣ, двое на улицѣ стали и слушаютъ, что будетъ имъ родовичъ отвѣчать: «Отдамъ я вамъ дѣвку, а мнѣ за нее что вы-то дадите?» — Бери весь амбаръ, съ пушнымъ всѣмъ товаромъ, лишь намъ ты отдай красавицу дочь. — «Огромныхъ амбаровъ мнѣ вашихъ не нужно, пушного товара отъ васъ не хочу; а вотъ за оградой есть камень большой; кто камень тотъ вышетъ, тому я отдамъ любимую дочку, а коли не вынетъ, такъ голову прочь». Таковъ былъ отвѣтъ. Что дѣлать Лаэртако было? Легко тотъ камень онъ вынулъ и какъ кремешкомъ имъ вертитъ кругомъ, да вдругъ размахнулся и бросилъ имъ въ городъ, тамъ матомъ-благимъ народъ заревѣлъ; родовича самого Лаэртако за ногу держитъ и имъ какъ палицей машетъ и бьетъ имъ города стѣны; и города вдругъ какъ-будто не стало, остался только станъ, гдѣ дочка живетъ. Ее посадилъ Лаэртако въ сюнки, а самъ полетѣлъ на лыжахъ домой: тамъ долго съ невѣстой въ чуму пировали и мясо сырое виномъ запивали.

---

(1) *Чунки* или *корты* (по-самоѣдски сюнки), родъ саней самоѣдскихъ.

(2) *Инькой* русскіе называютъ самоѣдскую женщину.

(3) *Малица*, одежда изъ оленьихъ шкуръ шерстью внизъ.

УДАКО.

I.

Далеко въ лѣсу старикъ съ дочкой жилъ. Разъ говоритъ ей старикъ: «Пойду одинъ промышлять и назадъ вернусь черезъ три лишь я года; лѣсъ же весь вырву и вверхъ его корнемъ поставлю, а сучьями внизъ; пропадай тутъ и ты, а съ тобой пропадутъ пусть олени. Прочь уходитъ старикъ и три года лукъ съ собой носитъ, съ собой и стрѣлы онъ три года носитъ, какъ-будто три легкія пѣшки. По пути подошелъ онъ къ рѣкѣ, тутъ не вдали стоитъ у озера хата. Приблизился къ хатѣ старикъ, а подъ вечеръ къ ней самъ хозяинъ идетъ, и по лѣсу ревъ раздался: «Три года вездѣ я ищу старика, и гдѣ бы только ни встрѣтилъ его, старикову дочку я въ жены бы взялъ, самогожъ старика тутъ на мѣстѣ бъ убилъ.» Услышавъ ту рѣчь, старикъ къ мужику подошелъ, мужику говоритъ: «Изъ этой рѣки всю воду ты выпей, когда ее всю ты выпьешь, тогда меня и убей.» Изъ рѣки мужикъ половину и выпилъ, но другой половины допить ужь не смогъ. Тутъ старикъ мужику рѣчь держитъ такую: «Всей воды у меня ты отвѣдать не могъ, такъ защурь одинъ глазъ, самъ тебяжь я отвѣдаю лукомъ.» На лукъ стрѣлу старикъ наложилъ и по вѣтру стрѣлу пустилъ, отъ стрѣлы мужика какъ будто не стало, виднѣлся вдали лишь одинъ его глазъ. Въ избу, какъ въ свой домъ, старикъ взошелъ, чернобурыхъ лисицъ онъ тамъ много нашелъ и что было добра все съ собой унесъ.

II.

Семь братьевъ жили въ одномъ чуму. Вдругъ старшій изъ нихъ умираетъ, а меньшой братъ — слѣпой говоритъ другимъ братьямъ: «Съ чего старшій нашъ умеръ, когда никто не билъ его, узнавать я всюду поѣду.» Три дня ѣздилъ, слѣпой, вдругъ голосъ услышалъ онъ чей-то. «Куда ты ѣдешь слѣпой?» Слѣпой заревѣлъ: «Тебя я ищу, зачѣмъ ты брата убилъ; сможешь, убей и меня, а если не сможешь, тебя я убью.» Три дня боролись они, осилилъ слѣпой семиголоваго, его въ свой чумъ потащилъ, принесъ его къ братьямъ и говоритъ: «Вотъ кто нашего брата убилъ, зато я убилъ и его; онъ семиголовый».

III.

У человѣка на обѣихъ сторонахъ головы глаза. Каждый день варитъ онъ оленя, и каждый день кормитъ живого *сядея* (1), у котораго также два глаза, и кормитъ онъ его на саняхъ сидя. Долго и

(1) *Сядей*, божокъ, сколоченный изъ деревяннаго чурбана на подобіе человѣка.

скучно кормить божка, говоритъ человѣкъ своему сыну: онъ у насъ все поѣстъ, а пользы отъ него вѣдь нѣтъ никакой; давай, сбѣжимъка завтра отсюда, убѣжимъ изъ-за чума такъ, чтобы насъ увидать онъ не могъ. Сказано — сдѣлано, а сядей сидитъ семь дней послѣ нихъ, наконецъ и ѣсть захотѣлъ. — Ѣсть дай, проревѣлъ онъ трижды, но на голосъ его отвѣта не было. Тутъ онъ на ноги всталъ, прямо къ чуму пошелъ, а въ чуму томъ работникъ мясо варилъ. «Гей, товарищъ, скажи-ка, куда убѣжалъ съ сыномъ хозяинъ, коли скажешь, отъ меня тебѣ будетъ спасибо». Указалъ работникъ сядею дорогу, за хозяиномъ тотъ въ погоню пустился, семь дней гнался за нимъ и настигъ наконецъ. Прибавилъ шагу хозяинъ, во весь побѣжалъ онъ опоръ, прибѣжали къ рѣкѣ, а на той сторонѣ стоитъ чумъ. Изъ чума люди кричатъ: иди сюда, *хасово* (*); но старуха изъ чума къ рѣкѣ подошла и спрашивать стала: — «хороша ли лицомъ, на меня погляди». На отвѣтъ хасово, рукой старуха махнула, на водѣ явился боберъ, на бобра товарищи сѣли, на другой перевезъ онъ ихъ берегъ. Бабушка, стали они старуху просить, уничтожь ты сядея, отъ него никуда мы уйти не можемъ. Подошла старуха опять къ рѣкѣ и сядея спрашивать стала: — «хороша ли лицомъ, на меня погляди». — Нѣтъ старуха, и стара, и дурна ты, и лицо все въ морщинахъ». «Такъ явись же выдра и сядея черезъ рѣку перевези». Сѣлъ на спину къ выдрѣ сядей, а та какъ въ воду нырнетъ, за третьей лишь плесой явилась. Едва очнулся сядей, идетъ куда ужь не знаетъ, пошелъ онъ за рѣкой къ чуму, а тамъ самъ хозяинъ подъ суконнымъ спитъ одѣяломъ, но съ сыномъ отца и слѣдъ ужь простылъ.

IV.

Старикъ да старуха вдвоемъ въ чуму живутъ; у нихъ сто семдесятъ въ стадѣ оленей. Сидитъ старикъ, ѣстъ мясо оленье, а старуха ему говоритъ: «къ ночи придетъ волкъ, по огню то я вижу».—Нѣтъ, бредишь, старуха, къ намъ волка не будетъ, заляжемъ-ка спать преспокойно. — Заснули, а волкъ тихомолкомъ къ стаду подкрался и семдесятъ штукъ въ одну ночь задавилъ. Къ утру встала старуха, убитыхъ оленей въ котлѣ заварила, вдвоемъ половину ихъ съѣли, наѣлись и къ вечеру спать залегли. —Гей, старикъ, говоритъ ему жонка, стадо поди караулъ, въ ночи опять придетъ волкъ и поѣстъ остальныхъ всѣхъ оленей; что ты бредишь, старуха, старикъ ей въ отвѣтъ, наѣлся волкъ ужь вчера, сегодня же сытъ онъ, не будетъ. На улицу вышелъ однакожь старикъ и видитъ по обѣ стороны чума, по тундрѣ оленей волкъ разогналъ, одинъ лишь быкъ (**) сзади съ ревомъ бѣжитъ, помчался и тотъ вслѣдъ за стадомъ, но старикъ быка проворно за заднюю ногу схватилъ и съ собой повелъ его къ чуму, въ сани

(*) *Хасово* значитъ и мужчина и самоѣдъ.

(**) *Быкъ*, самецъ — кѣжалый олень.

запрягъ и цѣлую версту проѣхалъ. Стадо отъ волка въ лѣсъ забѣжало, туда и старикъ путь свой направилъ. Темная ночь, а старикъ плохо видитъ, наѣхалъ на толстое дерево онъ, подъ горло дерево пришлося оленю, и олень пропалъ тутъ же на мѣстѣ, а старикъ за стадомъ пѣшкомъ пошелъ далѣе.

Волкъ два дня бѣжитъ и бѣжитъ еще семь дней, задавилъ всѣхъ оленей, одного лишь оставилъ, а старикъ все за волкомъ вслѣдъ; у рѣки онъ волка настигъ и началъ его онъ ловить, за хвостъ схватилъ, но волкъ укусилъ старика и оставилъ въ рукахъ только кожу съ хвоста. За послѣднимъ оленемъ волкъ погнался, къ лиственку (*) олень подбѣжалъ, на вершину взобрался какъ бѣлка; слѣдя оленій путь, волкъ потерялся и пошелъ себѣ далѣе. Оборотился олень человѣкомъ, всѣ остатки собралъ онъ оленей, всѣ ихъ кости въ сани сложилъ и въ котлѣ сталъ варить всѣ ихъ кости. Семь дней спитъ старикъ, на восьмой въ котлѣ шумъ слышенъ сталъ, сталъ въ котлѣ слышенъ говоръ, какъ стосемдесятъ голосовъ говорятъ, и все люди то были; изъ котла люди вышли, и вотъ какъ на свѣтъ люди родились.

Разсказъ, какъ видите, незамысловатый и бо́льшею частію заимствованный изъ предметовъ обыкновенной жизни, которая и сама такъ грустна, какъ народъ, ею живущій, однообразна какъ страна, въ которой онъ движется. Разсказы эти не представляютъ ни историческихъ памятниковъ, ни даютъ понятія о прошлой жизни народа: все въ нихъ основано или на повѣсти о вседневномъ бытѣ, съ примѣсью нѣкоторыхъ самоѣдскихъ несообразностей, или на нелѣпыхъ шашняхъ оборотня. Да и какъ обрисовать себѣ жизнь въ болѣе цвѣтущихъ краскахъ народу, который не справится даже съ самымъ простымъ, несложнымъ своимъ существованіемъ. Пора намъ однакожь откочевать далѣе. По плану, который я прежде было начерталъ себѣ, изъ Колвы я предполагалъ направить путь на сѣверо-востокъ къ Вайгачскому проливу, побывать и на самомъ островѣ Вайгачѣ, а тамъ уже морскимъ берегомъ проѣхать на устьѣ Печоры, къ *Пустозерску*. Планъ этотъ и удался бы, еслибъ я кочеваніе свое началъ тотчасъ по вскрытіи, но такъ какъ изъ столицы я могъ тронуться лишь въ самомъ концѣ іюня мѣсяца, а отъ переѣздовъ, сборовъ и разныхъ препятствій въ пути лишь въ половинѣ августа ступилъ на тряскую почву тундры, то до восточной ея части могъ добраться не прежде какъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, а тогда всѣ стада отъ моря тронулись уже къ лѣсамъ на зимнія кочевья и обратно везти имъ меня было бы тягостно для хозяйства, да и мнѣ самому не за чѣмъ уже было туда ѣхать: тамъ никого я бы не засталъ, развѣ какого запоздалаго промышленника, который только выжидалъ времени, чтобы удалились всѣ на югъ и оставили его на просторѣ допромышливать песцовъ по разбитымъ ижемцами норамъ или жирныхъ омулей у Коротаихскаго Носу. Поэтому мы направили путь свой въ другую сто-

(*) Лиственница.

рону: вдоль рѣки Колвы, доѣхали до хребта *Лыдундера*, окаймляющаго, въ числѣ многихъ другихъ хребтовъ, лучшее пастбище въ тундрѣ, извѣстное подъ названіемъ *Колвинской Лапты*. Такихъ мѣстъ какъ Лаптà, или, лучше сказать, моховая гладь, теперь не много: онѣ обліемъ моху рѣзко отдѣляются отъ окружающаго ихъ пространства тундры, гдѣ, отъ неосторожнаго и несвоевременнаго кочеванья, мохъ оленьими стадами до того выбитъ, что въ безснѣжное время, высокія, сухія мѣста, на которыхъ обыкновенно растетъ бѣлый оленій мохъ, кажутся совсѣмъ черными. При этихъ-то оазисахъ тундры — лаптахъ — большую часть года любятъ пребывать хозяева стадъ, и ижемцы обстроились уже тамъ нѣсколькими избами, нѣкоторые перевезли и семейства свои и только потому числятся при Ижемской волости, что приписаны къ ней. Здѣсь зырянинъ полный властелинъ окружныхъ пастбищъ, рѣкъ и озеръ; ему услуживаетъ множество обѣднѣвшихъ или задолжавшихъ ему самоѣдовъ, и онъ увѣренъ, что поставивъ избу свою на самомъ бойкомъ мѣстѣ въ тундрѣ, котораго, при безпрестанныхъ переходахъ отъ моря къ лѣсу и обратно, миновать нельзя, ему удастся привлечь къ себѣ и остальныхъ инородцевъ и вымѣнять, по выгодной цѣнѣ, на разные предметы, нужные въ домашнемъ быту, у кого песцовый, у кого лисій мѣхъ и если не живого, то по-крайней мѣрѣ шкуру убитаго или палаго оленя; все пригодится и всему найдетъ онъ сбытъ.

Двухъ сутокъ, проведенныхъ въ одной изъ такихъ избъ въ ожиданіи оленей, достаточно было, чтобы ознакомить меня съ бытомъ этого рода промышленниковъ; но такъ какъ весь разговоръ хозяина моего съ домочадцами и работниками-самоѣдами происходилъ на зырянскомъ языкѣ, то мнѣ только къ самому отъѣзду, ито благодаря взятому изъ Колвы переводчику, пришлось узнать, что у хозяина-зырянина стадо паслось по близости, но что онъ для того только заставилъ меня прождать двое сутокъ, чтобы не дать своихъ оленей, а послалъ пѣшкомъ гонца верстъ за 50 отыскивать стадо какого-нибудь бѣднаго самоѣда. Это впрочемъ не удивило меня. Безъ карты, безъ надежнаго проводника, въ тундрѣ подвергаешься всякаго рода обману не только отъ зырянъ, которые во всякомъ пріѣзжемъ видятъ недруга, но и отъ самихъ самоѣдовъ, которые ничего въ немъ не видятъ и готовы изъ собственной выгоды, изъ того только, чтобы сдать васъ скорѣе другимъ оленьщикамъ, заставить сдѣлать пятдесятъ верстъ лишнихъ, хоть бы путь вашъ лежалъ въ совершенно противоположную сторону. Тутъ зависишь отъ произвола всякаго самоѣда, совершенно у него въ рукахъ, а потому лучше всего предоставить себя въ полное его распоряженіе. Такъ отдавъ себя на волю своимъ вожатымъ, часовъ черезъ десять ѣзды, остановились мы гдѣ-то передъ опушкою рѣдкаго лѣса. Тамъ стояло пять чумовъ, бѣдныхъ на видъ, а шестой поболѣе и понарядѣе красовался посреди ихъ. Это были представители пяти семействъ нищихъ, пріютившихся около богатаго хозяина, люди, изъ-за крохъ, изъ-за лоскута теплой одежды доброволь-

но обрекшіеся служить ему, чтобы избѣжать злѣйшей участи. Такихъ нищихъ при всякомъ богатомъ самоѣдѣ видишь семействъ пять, шесть; онъ за нихъ платитъ ясакъ въ казну, кормитъ ихъ, содержитъ, снабжаетъ промысловыми орудіями и кончаетъ обыкновенно тѣмъ, что не разсчитавъ силъ своихъ и увлекшись состраданіемъ къ бѣдственному положенію брата, онъ самъ, при малѣйше неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, незамѣтно впадаетъ въ такую же нищету и дѣлается работникомъ смѣтливаго русскаго или зырянина.

Сборы къ отъѣзду были на этотъ разъ продолжительны, потому-что по-крайней-мѣрѣ дней десять сряду не предвидѣлось возможности гдѣ-либо перемѣнить оленей; говорили, что бо́льшая часть самоѣдовъ, узнавъ о скоромъ прибытіи моемъ, двинулись ближе къ Пустозерску и тамъ меня ожидаютъ. Составился наконецъ караванъ и примкнулись къ богатому моему хозяину и всѣ нищіе, питомцы его. Отъ этого ѣхать было весело и людно. Саней до двадцати тянулись однѣ за другими, однѣ съ сѣдоками, другія съ кладью, иныя устроенныя на манеръ повозки, другія вдвое выше обыкновенныхъ, покрытыя краснымъ сукномъ; на нихъ, засѣдала спутница жизни, султанша — фаворитка главы каравана — пріятеля моего *Пусіо*, роду *Тыссіи-Лаптандерв*. — Звонкіе крики погоньщиковъ, тявканье собаченокъ, или загонявшихъ къ мѣсту отдѣлившихся оленей, или вспугивавшихъ стада бѣлыхъ куропатокъ, плачь дѣтей, стукъ и бряцанье погремушекъ и бляхъ, навѣшанныхъ на одеждѣ и на шапкахъ неуклюжихъ самоѣдовъ, — все это, посреди голой снѣжной степи такъ кажется страннымъ для непривычнаго глаза, что, несмотря на стужу и на безпрестанную мятель, откинешь оленью шкуру, прибитую, вмѣсто рогожи, кверху кибитки, и по часамъ наблюдаешь эту дикую жизнь, удивляешься, какъ можетъ народъ ею довольствоваться, а между тѣмъ сознаешься, что другого существованія здѣсь устроить себѣ нельзя; ибо оно обусловливается мѣстностью и климатомъ, которыхъ тамъ ничѣмъ не измѣнишь.

Дни тянулись однообразно; по мерзлымъ кочкамъ дѣлали не болѣе 30 верстъ въ сутки, да и дни къ декабрю примѣтно стали уже убывать, а ночью безъ луны ѣхать было трудно, — поневолѣ останавливались. Всего болѣе терпѣли мы отъ *пурги*, которая во все время не переставала мести по тундрѣ; раза два она такъ была сильна, что и олени останавливались, и вожатые не видѣли уже передъ собою ни пути, ни оленей. — Начинали устанавливать чумъ и разводить въ немъ огонь; это длилось никакъ не менѣе полутора часовъ; когда же объявляемо было, что домъ готовъ, и начинали въ него вносить перемѣнную одежду, разные погребцы и мѣшки съ съѣстными припасами, наконецъ, казалось, совсѣмъ уже устроились, то отъ сильнаго вѣтра, потрясавшаго чумъ въ основаніи и препятствовавшаго дыму выходить изъ верхняго отверстія, такъ много набиралось его внутри, что не только ничего не возможно было дѣлать, но всѣ мы ложились на полъ и ждали, когда порывъ вѣтра снизу избавитъ насъ наконецъ

отъ этого мученія. — Въ негостепріимномъ краѣ не многаго и требуешь отъ природы: вдоволь побушевавъ, сжалится она немного, тотчасъ съ нею и примиришься, забудешь, что отъ нея претерпѣлъ, всѣ опять повеселѣютъ, пойдутъ разспросы, шутки; насъ интересовалъ кочевой бытъ, а самоѣды толпились около моего погребца, удивлялись, какъ въ такой маленькій ящикъ такъ много помѣщается вещей. Хозяину моему Пусіо такъ понравилась маленькая кострюля съ вкладной ручкой, что онъ просилъ меня подарить ему точно такую же, для приготовленія въ ней яицъ куропатокъ. Я ему обѣщалъ, что пришлю непремѣнно, когда ихъ кочевья отдѣлятся отъ пастбищъ ижемцевъ, и когда поэтому яйцы куропатокъ уцѣлѣютъ отъ огромныхъ зырянскихъ стадъ.

Въ десять дней странствованія мы такъ уже ознакомились со спутниками своими, что когда набрели на свѣжее стадо, то жаль было мнѣ съ ними разставаться: между нами образовались уже нѣкотораго рода отношенія, намъ было уже о чемъ вспомянуть; многое другъ о другѣ мы уже поразспросили; поразъузнали многое, что сообщается только при болѣе близкомъ знакомствѣ; мы были, если можно сдѣлать это сравненіе, въ положеніи пассажировъ на кораблѣ посреди океана, гдѣ довольствуешься тѣмъ обществомъ, съ которымъ судьба столкнетъ, съ которымъ какъ бы и жалѣешь проститься, но скоро его и забываешь.

Было уже совсѣмъ темно, когда у рѣки *Шапкиной* остановился поѣздъ, и самоѣды, причуявъ слѣдъ, стали метаться изъ стороны въ сторону, ложились на землю, прислушивались, отъѣзжали по одиночкѣ въ сторону, наконецъ, повернувъ немного налѣво, снова стали. Всѣ олени, какъ бы по какому мановенію, вдругъ повернули голову вправо и, задравъ морду вверхъ, показывали, что чуятъ дымъ. И точно, не прошло двухъ минутъ, какъ съ вѣтромъ принесло уже намъ издали глухой лай собакъ. Это была радость неизобразимая; всѣ встрепенулись, всѣ, казалось, ожили, отъ послѣдней собаченки до флегматическаго Пусіо. Рысцой доѣхали до мѣста, и хотя ничѣмъ не удобнѣе прежняго, но помѣстились однакожь въ новомъ чумѣ, гдѣ узнали, что находимся отъ Пустозерска всего только въ ста верстахъ, и что по дорогѣ вездѣ выставлены подставные олени.

Новый мой хозяинъ *Атциле*, роду *Паганседа Тыссіи*, былъ владѣтель тысячнаго стада и не крещенъ. Послѣднее обстоятельство дало мнѣ надежду увидѣть наконецъ шаманскіе приборы, которыхъ я до тѣхъ поръ искалъ напрасно. Для этого пошли мы съ переводчикомъ отыскивать сани, въ которыхъ должны были они находиться, и завидѣли наконецъ покрытыя цѣльною оленьею шкурою съ головой и даже копытами, что обыкновенно не оставляется, и замѣченныя семью рубежками напереди. Эта была для меня находка; но не такъ легко было уломать хозяина показать намъ святыню; онъ все отнѣкивался, говоря, что тамъ ничего нѣтъ, что тамъ нарядное платье, и только когда я изъявилъ желаніе видѣть хоть

праздничное его одѣяніе, то онъ, скрѣпя сердце, отдернулъ покрышу и представилъ непосвященнымъ взорамъ нашимъ двухъ каменныхъ болванчиковъ въ оленьихъ малицахъ, съ обмазанными кровью губами, мѣдный тазъ съ мѣдными же привѣсками и деревянную колотушку, обтянутую оленьей шкурою, — въ сущности мало интереснаго, но любопытство было по-крайней-мѣрѣ удовлетворено. — Говорятъ, что такіе приборы держатъ у себя втайнѣ и тѣ изъ самоѣдовъ, которые считаются крещеными....

Относя все къ матеріяльной жизни, нѣкоторые, даже крещеные самоѣды столько же придерживаются христіянскихъ обрядовъ, сколько и шаманства. При входѣ въ избу или чумъ, иной крещеный самоѣдъ положитъ на себя крестное знаменіе, а между тѣмъ, при удобномъ случаѣ, будетъ искать у жреца (Тадибея) заступничества передъ духами, — надѣнетъ на себя крестъ или поставитъ въ чуму образъ, а самъ будетъ бить въ бубенъ и призывать при этомъ въ помощь прежняго идола.

На ста верстахъ, оставшихся съ Пустозерска, пришлось мнѣ испытать скорую ѣзду на оленяхъ. Четыре раза перемѣняли ихъ, а на послѣдней смѣнѣ, для почета, впрягли въ мои сани четверню краснопѣгихъ рядомъ; такой шерсти олени очень рѣдки и составляютъ особаго рода щегольство. Они меня ввезли въ столицу трехъ тундръ и, мелькомъ показавъ всему собравшемуся населенію, высадили въ домѣ старшины, гдѣ я только на слѣдующее утро могъ оцѣнить все наслажденіе находиться въ теплой, просторной избѣ, а не подъ смрадной, закоптѣлой покрышей.

Пустозерскъ мѣсто историческое. Для сбора ясака съ инородцевъ былъ сдѣланъ изъ него сперва *острогъ*, назначенъ туда воевода, при которомъ состояла писцовая изба, а впослѣдствіи Пустозерскъ избранъ былъ, по отдаленію и малолюдію, мѣстомъ ссылки для нѣкоторыхъ опальныхъ боярскихъ фамилій. До сего времени хранится еще память о князѣ Симеонѣ и княгинѣ Пелагіи Щербатовыхъ, сосланныхъ туда въ концѣ XVII столѣтія, и о князѣ Голицынѣ, приближенномъ царицы Софіи Алексѣевны. Въ старинной, полуразвалившейся церкви съ самою древнею иконописью, послѣдній оставилъ образъ, а князья Щербатовы принесли въ даръ церкви евангеліе, за собственноручною подписью 1675 года.

Находясь въ Пустозерскѣ и въ окрестныхъ селахъ, нѣтъ нужды спрашивать народъ, чѣмъ онъ промышляетъ; глазъ вашъ лучше всего вамъ это пояснитъ: вездѣ увидите вы развѣшанныя шкуры моржей и бѣлыхъ медвѣдей, бочки съ ворванью, рыбу, заготовляемую на продажу и для домашняго обихода. Особенно послѣднею славятся печорскія села. Они владѣютъ лучшею въ мірѣ семгою, которая такъ нѣжна и жирна, что не выдерживаетъ дальняго пути въ томъ видѣ, въ какомъ заготовляютъ ее на Печорѣ, а сбываютъ ее торговцамъ, ежегодно приплывающимъ лѣтомъ изъ г. Чердыня, Пермской губерніи, и привозящимъ въ обмѣнъ хлѣбъ и красный товаръ. Торговцы эти снова

перемываютъ семгу, еще разъ подсаливаютъ ее и затѣмъ уже снабжаютъ ею весь за-волжскій край. — У печорскихъ жителей прекрасное положеніе насчетъ ловли семги: у нихъ рѣка отъ плесы до плесы раздѣлена на ровные паи, изъ коихъ каждый принадлежитъ одному промышленнику, но какъ такихъ паевъ во всю ширину рѣки можетъ быть, примѣрно, только до 20-ти, всѣхъ же промышленниковъ, положимъ, человѣкъ до 200, то и устроено по теченью рѣки (примѣрно) 10 отдѣловъ, которые очередуются, такъ-что всякому промышленнику, какъ богатому, такъ и бѣдному, непремѣнно придется паи. Чтобы вполнѣ оцѣнить это учрежденіе, надобно знать, что неводъ для ловли семги дѣлается во всю ширину рѣки и стоитъ нѣсколько сотъ рублей серебромъ, такъ-что бѣдному рѣдко или вовсе не пришлось бы упромыслить семгу и всю рѣку забралъ бы богатый, который былъ бы въ состояніи обзавестись снастями. Теперь же всякой бѣдный крестьянинъ имѣетъ ту же самую часть въ уловѣ, какъ и богатый; хочетъ онъ, онъ промышляетъ семгу; отзываютъ его другія занятія, на морской ли промыселъ, на извозничество ли, то онъ продаетъ свой паи, такъ-что всегда имѣетъ средства поправиться въ обстоятельствахъ и уплатить казенную подать. Отъ этого и на всей волости мало недоимокъ, мало и бѣдныхъ крестьянъ, между тѣмъ какъ повыше отъ устья Печоры, гдѣ вода не раздѣлена на паи, а промышляетъ всякъ, гдѣ вздумалось, села обременены недоимками.

Вообще, со временемъ, тотъ край можетъ принесть выгоды неисчислимыя; богатства пропасть, не умѣютъ только добывать его; напротивъ, дѣлаютъ все, чтобы оно не далось въ руки. Какъ дѣйствуютъ тамошніе промышленники? Выгоняютъ оленей не въ свое время на лучшія моховыя пастбища, обиваютъ мохъ—лучшую и почти единственную пищу для оленя; выкуриваютъ изъ норъ щенятъ песцовъ и лисицъ, изъ жадности истребляютъ молодой пометъ, который и третьей части того не стоитъ, что стоилъ бы звѣрь чрезъ пять, шесть мѣсяцовъ, отбиваютъ другъ у друга обильнѣйшія рыбою мѣста въ рѣкахъ и озерахъ. Все дико, все неустроено! А какой, при бо́льшемъ порядкѣ, могъ бы быть уловъ, какъ удобенъ сбытъ, гдѣ водою, гдѣ на оленяхъ, какъ много представилось бы данныхъ для благосостоянія крестьянина и вообще для развитія промышленности! Впрочемъ къ чему неопредѣленно говорить о краѣ, о его улучшеніи; ито пора уже окончить повѣствованіе и разсказать, какъ добрался я во-свояси.

Въ Пустозерскѣ пробылъ я долѣе чѣмъ предполагалъ, и этому причиною то, что лишь въ одиннадцать часовъ утра могъ я читать безъ свѣчей, а въ половинѣ второго по полудни снова надо было ихъ зажигать. Это бы никакъ однакожь не могло замедлить моего отъѣзда, еслибъ занятія мои ограничивались однимъ писаньемъ или чтеніемъ на дому; но такъ какъ я при этомъ долженъ былъ разъѣзжать по окружнымъ селамъ и меня въ особенности интересовала мѣ-

стность у устья Печоры, то не успѣешь собраться и выѣхать изъ дому, какъ уже и ночь на дворѣ. — А небо не хотѣло, казалось, мнѣ благопріятствовать: не посылало того роскошнаго свѣта, которымъ такъ щедро надѣляетъ жителей сѣвера, и только разъ, впослѣдствіи, передъ трескучимъ морозомъ, зажегся горизонтъ яркимъ сіяніемъ, которое, прокатившись по небу огненными клубами, вскорѣ погрузило все въ прежнюю тьму. Это уже было въ Тиманской тундрѣ, по дорогѣ отъ Пустозерска въ Мезень, когда стали мы подъѣзжать къ поселенію на рѣкѣ Индигѣ мѣщанина *Василія Попова*, мужика хитраго и смѣтливаго, который Тиманской тундрой заправляетъ какъ родовымъ своимъ помѣстьемъ, а самоѣдами какъ вассалами. Это промышленникъ, умѣющій всѣхъ болѣе извлекать выгоды изъ своего положенія: при лучшихъ мѣстахъ поставлены у него промысловыя избы, въ которыхъ живутъ или сыновья его, или наемные работники; гдѣ обиленъ уловъ морского звѣря, устроены салотопни; сѣти и неводы его раскинуты при рыбныхъ рѣкахъ и озерахъ, и даже, чтобы упромыслили для себя самоѣды, и то они принуждены отдавать ему или потому, что у него въ вѣчномъ долгу, или потому, что онъ выдаетъ имъ взамѣнъ, изъ своихъ амбаровъ, хлѣба на пропитаніе или снабжаетъ сѣтью и неводомъ. Ему въ этомъ подражаютъ, хотя и не такъ искусно и удачно, всѣ крестьяне и мѣщане, поселившіеся вдоль океана при промысловыхъ рѣчкахъ Тиманской и Канинской тундръ. Можетъ быть уже черезъ полвѣка всѣ эти поселенцы замѣнятъ самоѣдовъ во владѣніи тундрой, а потому послѣднимъ они не очень приходятся по-сердцу, но зато, какъ путнику, уставшему отъ всѣхъ неудобствъ кочеванья, пріятно, на каждыхъ много 50 верстахъ найти пріютъ и отдохновеніе въ теплыхъ избахъ и знать, что вездѣ ожидаютъ свѣжіе олени и промята вездѣ для нихъ дорога обозами, отвезшими по первопутью изъ Пустозерка въ Мезень бочки съ ворванью, рыбою и оленьимъ товаромъ и нагрузившими въ обратный путь казенную соль и вино, для снабженья ими ставокъ, устроенныхъ въ разныхъ мѣстахъ тундры. И меня провезли по всѣмъ этимъ поселкамъ, а въ послѣднемъ изъ нихъ — селеніи *Семжѣ*, гдѣ я уже лѣтомъ нѣсколько разъ бывалъ, получилъ я приглашеніе на святочную вечеринку. Въ тѣсной избѣ толпилась молодежь — красавецъ на красавцѣ, — парни, по мѣстному обычью, въ новыхъ оленьихъ малицахъ, а молодицы, статныя, рослыя, въ богатыхъ штофныхъ фатахъ, однѣ съ шолковыми повязками, другія съ парчею и жемчугомъ на головѣ. Глазъ отдыхалъ, любовавшись, послѣ безобразныхъ, отвратительныхъ самоѣдокъ, прелестнымъ ликомъ и станомъ сѣверныхъ красавицъ, умѣвшихъ, въ продолженіи почти двухъ вѣковъ, сохранить и одежду и красу отцовъ и матерей своихъ, тщательно перенесшихъ ихъ съ собой изъ Москвы и Великаго-Новгорода, вмѣстѣ съ повѣрьями и письменами старины. Но когда послѣ святочныхъ игръ, подблюдныхъ и плясовыхъ пѣсенъ, разошлась бесѣда по домамъ, то и у моей повозки снова загудѣлъ колокольчикъ, и четверня быстроногихъ оленей къ утру

примчала меня въ Мезень, гдѣ съ первою почтовою станціею распростился я наконецъ съ тундрою и съ полугодовою бродячею по ней жизнью.

В. Ислявинъ.